

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра русского языка и литературы

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: «Образ русской действительности в произведениях С. Довлатова
(1962-1990)»

Исполнитель Богородская Арина Александровна
(фамилия, имя, отчество)

Руководитель доктор искусствоведческих наук, профессор
(ученая степень, ученое звание)

Мышьякова Наталия Михайловна
(фамилия, имя, отчество)

«Защитить допуская»
Знающий кафедрой
(подпись)

кандидат педагогических наук, доцент
(ученая степень, ученое звание)

Кипнес Людмила Владимировна
(фамилия, имя, отчество)

2022 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2022

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ С. ДОВЛАТОВА	7
1.1 Творчество Довлатова как предмет литературоведения: историографический аспект.....	7
1.2 Своеобразие прозы С. Довлатова 1962-1990 годов	19
Глава 2. КАРТИНА РУССКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И ПРИЕМЫ ЕЕ СОЗДАНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С. ДОВЛАТОВА	26
2.1 Тематическое и сюжетное своеобразие картины русской действительности в прозе Довлатова.....	26
2.2 Приемы характерологии в прозе С. Довлатова.....	42
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	61
Список литературы	62

ВВЕДЕНИЕ

Сергей Донатович Довлатов – признанный мастер малой прозаической формы, один из ярких и значительных писателей и публицистов XX века. Читательский интерес к его творчеству не убывает, что во многом объясняется очевидной беллетристичностью его письма, особой «довлатовской» непринужденностью, буквально – «изящной словесностью» всех его текстов, балансирующих на грани художественности и документальности. Тем не менее, за кажущейся незатейливостью воплощения обнаруживается глубокий смысл, побуждающий читателя к размышлениям, сопереживанию, тревогам и сомнениям. Горькие, ироничные «истории» и «случаи», происходящие с разными людьми в разных закоулках повседневности, складываются в некий «метатекст», объединяются в целостный, индивидуальный «взгляд», выстраивают «образ автора», который от произведения к произведению оказывается все интереснее. Читатель Довлатова становится размышляющим читателем, «проницательным», как сказал бы Чернышевский. Некоторая неочевидность приемов, которыми создается непринужденная атмосфера рассказываемых историй, их мозаичность, «прецедентность» обеспечивают текстам Довлатова постоянный исследовательский интерес и актуальность.

В научной и литературно-критической литературе о Довлатове сложились несколько направлений. Исследователи ищут связи Довлатова с русской классической литературой; пытаются определить жанровую специфику его творчества; изучают виды комического в его прозе; рассматривают вопрос псевдодокументализма его произведений; объясняют художественную специфику письма и т.п. Однако один из существенных аспектов творчества Довлатова, а именно – образ русской действительности, который очевидно обнаруживается во всех его произведениях, изучается

эпизодически, чаще всего попутно с решением других проблем. Эта тема до сих пор не являлась предметом специального рассмотрения, что подчеркивает правомерность и **актуальность исследования**.

Объект исследования – образ русской действительности в произведениях С.Д. Довлатова.

Предмет исследования – картина русской действительности и приемы ее создания в произведениях С.Д. Довлатова.

Наиболее плодотворным **материалом** для выбранной темы представляются «Зона. Записки надзирателя», «Компромисс», «Заповедник», «Чемодан» и «Наши».

Методологической основой исследования являются:

-сравнительный метод, позволяющий выявить общие и специфические черты «картин» русской действительности в творчестве Довлатова;

-функциональный анализ, дающий возможность определить разнообразие и специфику различных образов русской жизни в классической литературе и произведениях Довлатова;

-структурный метод, ориентированный на описание литературного творчества как структуры и способствующий определению художественной специфики образной картины мира в произведениях Довлатова.

Цель исследования – выявить и определить идейное и художественное своеобразие картины русской действительности в творчестве С. Довлатова.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач:

- систематизировать научную и критическую литературу по проблеме, определив наиболее значимые исследования;

- определить тематическую и сюжетную сферу, характеризующую русскую картину мира в произведениях Довлатова;
- выявить типологию характеров, представляющих русскую действительность в творчестве Довлатова.

Цели и задачи исследования обусловили его структуру. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы.

Во **Введении** определяются актуальность исследования, его цели и задачи, кратко говорится об основном содержании глав и параграфов.

Первая глава «Проблемы поэтики С. Довлатова» состоит из двух параграфов.

В **Параграфе 1.1 «Творчество Довлатова как предмет литературоведения: историографический аспект»** определяется категориальный аппарат работы и дается краткий историографический обзор научной и критической литературы по теме исследования. Относительно подробно рассматриваются наиболее значимые работы, в которых в той или степени анализируется картина мира на материале классической литературы и произведений Довлатова. Особо внимание уделяется трудам М. М. Бахтина, Н. А. Бердяева, Д. С. Лихачева, Г. Д. Гачева, Ю. С. Степанова и работам П. Л. Вайля, А. А. Гениса, И. Н. Сухих, Г. А. Доброзраковой, О. А. Вознесенской и др.

В **параграфе 1.2** представлено объяснение выбора конкретных произведений и анализируется основная литература по выбранным произведениям.

Вторая глава «Картина русской действительности и приемы ее создания в произведениях С. Довлатова» посвящена исследованию картины русской действительности на примере конкретных произведений.

В **параграфе 2.1** рассматриваются «Зона. Записки надзирателя», «Компромисс» и «Заповедник». Анализируются тематическое и сюжетное своеобразие картины русской действительности, созданной в данных произведениях.

В **параграфе 2.2** анализируются «Зона. Записки надзирателя», «Компромисс», «Заповедник», «Чемодан» и «Наши». Рассматриваются созданные в этих произведениях характеры, присущие им черты, приемы характерологии, свойственные Довлатову.

В **Заключении** подводятся итоги исследования.

Список литературы включает 55 наименований.

Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации определений картины мира и выявлении характерных черт образа русской действительности в творчестве С. Довлатова.

Практическая значимость работы заключается в возможности использовать материалы анализа при изучении истории отечественной литературы XX века и в различных спецкурсах по творчеству С. Довлатова.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были представлены на студенческой научной конференции Института «Полярная академия» РГГМУ «Современная филология: теория и практика» (20 апреля 2022).

Глава 1.

ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ С. ДОВЛАТОВА

1.1 Творчество Довлатова как предмет литературоведения: историографический аспект

В довольно обширной научной и критической литературе о творчестве С. Довлатова работ, специально посвященных анализу образа русской действительности, нет. Тем не менее очевидно, что Довлатов создал в своих произведениях особую картину мира, в которой отразилась и ее национальная специфика, и личное отношение писателя к «картинкам» русской жизни, своеобразию русского характера, его слабостям, чудачествам – всему тому, чего «умом не понять», но привязаться и полюбить/возненавидеть вполне возможно. Для изучения образов действительности и персонажей в их взаимодействии обычно используется термин «картина мира».

Картина мира у каждого писателя своя, и многие исследователи рассматривают эту тему в своих работах. Изучая картину мира писателя, можно постичь систему ценностей автора, понять какие характеры его привлекают, его отношение к жизни. В картине мира, складывающейся в произведениях того или иного автора, отражается его мироощущение и миропонимание, поэтому изучение этого вопроса всегда актуально.

Наиболее важным и точным нам представляется определение картины мира, данное в работах М. М. Бахтина: это «мир организованный, упорядоченный и завершенный помимо заданности и смысла вокруг данного человека как его ценностное окружение» [7, с. 162]. М. М. Бахтин подчеркивает, что это специфическая форма мировосприятия, которая выступает как альтернатива реальному миру и представляет собой результат внутренней работы автора, его творческой деятельности.

Среди работ о *русской* картине мира выделяются своим своеобразием труды Н. А. Бердяева «Философия свободы» (1911), «Смысл творчества» (1916), «Судьба России» (1918), «Русская идея» (1946). Философ полагает, что в судьбе России большую важность имели географические обстоятельства, её местоположение на земле, её безграничные просторы. Вся внешняя работа русского человека шла на службу державе, и это оставило мрачный отпечаток на жизнь русского человека и русские почти не способны на радость. Бесконечные дали, которые со всех сторон охватывают и сжимают русского человека, – не внешний, а духовный фактор его жизни. Колоссальность пространств не помогала формированию в русском человеке самоконтроля – он «рассеивался» в пространстве. Н. А. Бердяев отмечает, что контроль шири над русской душой создает большое число русских качеств и русских недостатков: русская лень, беспечность, недостаток инициативности, недостаточно развитое чувство ответственности.

Противоположную точку зрения мы встречаем в работах Д. С. Лихачева, у которого русская ширь и простор представляются глубинными особенностями отечественной культуры, источником её мощи, вольнолюбия, удали. В своей работе «Заметки о русском» Д. С. Лихачев отмечает, что для русских людей природа всегда была свободой и привольем. Воля – это отсутствие необходимости переживать о грядущем дне, это безмятежность, возможность проживать момент. Беспредельное пространство неизменно управляет сердцами русских. Оно проявлялось в образе мысли, представлениях, которых нет в остальных языках. Например, воля-вольная – это свобода, соединённая с простором. Понятие тоски сопряжено с понятием тесноты, отнятием у человека пространства. По мнению автора, наш национальный пейзаж по большей части формировался стараниями двух великих культур: культуры человека, сглаживающего резкости природы, и культуры природы, смягчающей все нарушения баланса, которые безотчетно для самого себя порождает в ней человек.

Чрезвычайно значительны работы о национальных картинах мира, написанные Г. Д. Гачевым: «Образ в русской художественной культуре» (1981) и «Национальные образы мира: Евразия – космос кочевника, земледельца и горца» (1999). Г.Д. Гачев разработал свой научный подход – Космо-психо-логос или космофилософия. По Гачеву, человек обладает тройным началом: тело, душа и разум. Подобно человеку национальная целостность есть единство: космо (местной природы), психо (национального характера) и логоса (склада мышления). Исходя из этого подхода, заключает исследователь, каждая культура смотрит на мир по-своему [15].

В книге Ю. С. Степанова «Константы: словарь русской культуры» исследуются наиболее традиционные феномены русской жизни. Книга состоит из двадцати двух тематических разделов. В них описаны константы, т.е. устойчивые и постоянные концепты культуры. Многие из описанных в этой книге концептов можно найти в творчестве Довлатова: «Русь, Россия, русские, россияне», «Язык», «Водка и пьянство», «Диссиденты», «Весь мир – театр». К разряду «диссидентов» можно отнести самого Довлатова, а в понимании русского пьянства суждения Степанова и Довлатова почти совпадают: оба полагают, что русское пьянство сильно отличается от европейского – русское пьянство более широкое, разгульное, темное, беспробудное [41].

Анализируя прозу Довлатова, становится совершенно очевидным, что в едином «метатексте» его творчества формируется его персональный взгляд на русскую национальную картину мира. В данной работе мы рассматриваем тематическое, сюжетное и характерологическое своеобразие картин русской действительности в прозе Довлатова.

Литературу о Довлатове можно разделить на несколько частей. При жизни писателя современники отзывались рецензиями и статьями на каждую издаваемую книгу. Это были прежде всего писатели и критики третьей волны эмиграции. Среди них И. З. Серман, Г. Н. Владимов, П. Л. Вайль, А. А.

Генис. Однако в этих отзывах большее внимание уделялось вопросам содержания, нежели вопросам поэтики.

Американские критики, среди которых выделяются Д. Финне, У. Гудман, К. Розенберг, К. Кларк, С. Рута и др., определяют Довлатова как самобытного, оригинального художника конца XX века. Хотя их критика во многом политизирована, часто откровенно идеологизирована и пропитана стереотипами о советском человеке и Советском Союзе, именно она помогла писателю прославиться за рубежом.

После смерти Довлатова было опубликовано множество работ мемуарного и биографического характера, в некоторых из них преобладает литературоведческое начало, в некоторых – мемуарное. О Довлатове пишут друзья: Бродский («О Сереже Довлатове»), Генис («Довлатов и окрестности») и др., приятели и знакомые: Е. Рейн («Мне скучно без Довлатова»), Л. Штерн («Довлатов, добрый мой приятель») и др., первая жена Ася Пекуровская («Когда случилось петь С. Д. и мне»). Уже по названию публикаций видно, что это не литературоведение и даже не литературная критика, а скорее портреты-воспоминания об ушедшем друге. Тем не менее, для исследования данной темы, для которой важен «образ автора» во всей полноте его размышлений, реакций на мир и человека, его ценности, особенности его характера, эти работы представляют определенный интерес.

Литературоведческие работы составляют третью часть литературы о Довлатове. В большинстве литературоведческих статей исследуются вопросы поэтики прозы Довлатова, подробнее они будут изучены позже.

Первая монография о творчестве Довлатова «Сергей Довлатов: время, место, судьба» принадлежит И. Н. Сухих. Сборник состоит из статей руки Сухих, посвященных произведениям Довлатова или проблемам поэтики его творчества. В 1999 году вышел сборник статей «Сергей Довлатов:

творчество, личность, судьба (Итоги Первой международной конференции «Довлатовские чтения»)), подготовленный А. А. Арьевым. В этой книге среди мемуарных работ С. Вольфа, М. Нумано, А. Пекуровской встречаются статьи научного характера (В. Попова, Е. Курганова, А. Зверева и многих других).

С течением времени частотность выбора творчества Довлатова в качестве объекта монографического или диссертационного исследования увеличивается, исследователи все чаще представляют новые профессиональные работы на международных и региональных научных конференциях.

В основном творчество Довлатова исследуется в следующих аспектах:

- традиции русской классической литературы в прозе Довлатова;
- влияние зарубежных писателей и философов на художественное мировоззрение писателя;
- интертекст и метатекст в прозе Довлатова;
- жанровая специфика произведений;
- факт и вымысел в прозе Довлатова;
- виды юмора в его творчестве;
- псевдодокументализм в прозе Довлатова;
- художественная мифологизация литературного и повседневного быта советской эпохи в произведениях Довлатова.

Остановимся более подробно на наиболее значимых исследованиях, в которых разносторонне изучается поэтика Довлатова.

Вопросу связи Довлатова с русскими классиками большое внимание уделяет в своих работах Г. А. Доброзракова. В качестве «пушкинских начал» в повести «Заповедник» она выделяет: «строгость и лапидарность стиля; синтез художественности и документальности; ориентацию на принципы объективного повествования; язык ассоциаций; влияние стихового начала на

прозаическое повествование; элементы романтической поэтики; диалогичность контекстов» [19] и др.

При сравнении Довлатова с Лермонтовым, исследовательница приводит суждение И. Н. Сухих, сопоставляющего довлатовское пятикнижие («Зона», «Заповедник», «Наши», «Чемодан», «Филиал») с романом «Герой нашего времени» и называющего тексты Довлатова метароманом. Продолжая это сравнение, Г. А. Доброзракова «увеличивает» метароман до семи частей, включая в него «Компромисс» и «Ремесло». Сопоставление этих писателей строится на том, что почти все повести Довлатова составлены из написанных ранее самостоятельных рассказов, а три повести Лермонтова изначально по отдельности вышли в «Отечественных записках». Главы-повести «Журнал Печорина» и «Фаталист» воспроизводят многие моменты из биографии Лермонтова и написаны в форме «автобиографических заметок». Таким образом, в поэтике этих писателей исследователи отмечают схожие моменты: субъективность, психологизм, авторефлексия.

Анализируя юмор довлатовских произведений, Г. А. Доброзракова видит связь писателя с гоголевской смеховой традицией. Сходства в творческом методе Гоголя и Довлатова видны не только за счет богатства и многообразия смеховой палитры обоих авторов, но и из-за демонстрации в их произведениях абсурдного – особого типа изображения действительности, при котором прекрасное смешивается с безобразным, комическое с трагическим, возвышенное с низким. По мнению Г. А. Доброзраковой, обнаружение абсурдности жизни было для этих авторов дополнительным источником вдохновения.

Сюжетное сходство обнаруживается при сравнении повести Довлатова «Филиал» с романом Тургенева «Дым», а амбивалентная природа смеха, карнавализация, тема двойничества и склонность к философским суждениям позволяет говорить о взаимосвязях художественных систем Довлатова и Достоевского.

Проводя параллели между творчеством Довлатова и Чехова, Г. А. Доброзракова находит, что их можно сравнивать из-за схожей коммуникативной стратегии, которая строится на методе «двойного освещения»: «повествование, объединяющее контрастирующие элементы, свободно от комментариев автора и заданной ценностной парадигмы, и читатель имеет право выбрать собственную систему координат» [19]. В подобном ключе исследовательница сравнивает творчество Довлатова и поэзию Серебряного века.

Г. А. Доброзракова принадлежит к той группе ученых, которые утверждают несомненное родство Довлатова с русской классикой, видят интертекстуальные связи его произведений с текстами предшественников. Позицию Г. А. Доброзраковой разделяют многие исследователи. Изучение взаимосвязей Довлатова с произведениями русских писателей позволяет систематизировать особенности его художественного языка, его манеру работать с материалом, жанровую специфику и др.

Д. Польш, А. Марчук, О. Рогов называют писателя «вдумчивым продолжателем традиций русской классики, прежде всего А. С. Пушкина» [34]. П. Вайль видит в Довлатове «отчетливый чеховский комплекс отсутствия большой формы, известный по разным литературам, не только русской» [11]. Н. Петренко в своей статье «Особенности прозы Сергея Довлатова» цитирует слова Бродского о писателе: в творчестве Довлатова нашли отражение стилистические традиции русской литературы [32]. О. А. Вознесенская утверждает, что в прозе Довлатова сочетаются две классические традиции изображения человека в русской литературе: «лишний» человек с беспокойной душой и пытливым разумом становится «маленьким» по воле обстоятельств. Она сравнивает принцип довлатовского юмора с классической традицией: «авторские комментарии, обращающие наше внимание к жизни человеческого духа, направленной на самопознание и самоопределение человека в мире, к метаниям и исканиям, свойственным

людям с «живой совестью», дают нам право соотнести творчество Сергея Довлатова с юмористической традицией русской литературы с ее стремлением к познанию самых основ человеческого бытия, показать «сквозь видимый миру смех незримые ему слезы», с трогательной любовью к человеку и желанием достичь мировой гармонии» [14]. В. Уфлянд говорит о приближенности прозы Пушкина, Зощенко и Хэмингуэя по своей емкости к стихотворению, и того же, по его мнению, удалось достичь и Довлатову.

Другая группа ученых ищет в творчестве Довлатова влияние зарубежных писателей и философов. Мнение о Довлатове как о писателе, не вписывающемся в русскую традицию восходит прежде всего к И. Бродскому. В эссе «О Сереже Довлатове» есть такие слова: «Образ человека, возникающий из его рассказов, – образ с русской литературной традицией не совпадающий и, конечно же, автобиографический» [9]. Подобного мнения придерживаются А. Генис и П. Вайль.

В интервью Т. Вольтской Вайль отмечает двойственную позицию Довлатова по отношению к национальным традициям литературы. С одной стороны, язык и стиль Довлатова являются порождением русской литературы, «а сам строй рассказа – это, конечно, литература западная, и в первую очередь американская» [10, с. 10]. В целом, Вайль приходит к выводу, что «Довлатов совершенно не русское явление, поскольку у него вкус и чувство меры играют гораздо большую роль, чем талант. В традиционном русском понимании таланта у него было немного – он не мог придумать сюжета, каких-то воображаемых ситуаций» [10, с. 10].

А. Генис считает Довлатова продолжателем Пушкина, однако про последнего рассуждает следующим образом: «ведь Пушкин не кажется нам русским, он кажется нам европейским писателем, ренессансным. Пушкин – это нечто выходящее за пределы русской традиции. Или, вернее, так: он основал русскую традицию, но никто не последовал за ним. Если мы сравним Пушкина с Толстым и Достоевским, то мы увидим, что Толстой и

Достоевский – русские писатели, а Пушкин – никакой: он просто Пушкин, и все» [17, с. 10]. Довлатов же представляется ему писателем, «который выделяется из русской традиции и очень вписывается в традицию англо-американскую» [17, с. 10].

Уже упоминаемая Г. А. Доброзракова в своих работах обращается и к этому аспекту творчества Довлатова – художественное взаимодействие прозы Довлатова с зарубежной литературой. Исследовательница говорит о схожести творческих интересов и поисков Ш. Андерсона и С. Довлатова, об их движении от устного рассказа к писательству: «Сходными чертами поэтики Ш. Андерсона и Довлатова становятся отсутствие острого, занимательного сюжета, открытость финала. И в этом видится проявление чеховской традиции, которой следовали оба автора» [20]. Так же она рассматривает влияние Хемингуэя на Довлатова, однако воздействие этого автора прослеживается только у раннего Довлатова, которому полюбилось писательское кредо американца: «Всегда и во всем должна вестись честная игра». Довлатов 1974 года называет роман «По ком звонит колокол» бессмертным, а спустя одиннадцать лет в своем отзыве «Папа и блудные дети» на книгу Р. Д. Орловой «Хемингуэй в России» он опровергает хемингуэевский миф, называя когда-то любимого писателя «развенчанным кумиром» [23].

Сам Довлатов в различных интервью признавал влияние на свое творчество и зарубежных, и русских писателей.

Еще один аспект исследований поэтики Довлатова – изучение интертекстуальности его произведений и метатекста.

Следует обратить внимание на работу Е. Е. Бариновой, в которой письма к издателю рассматриваются как метатекст «Зоны»: «Их вторичность заключается в том, что письма (согласно сюжету) написаны гораздо позже записок надзирателя и в основном посвящены комментированию лагерных

рассказов» [6]. По мнению другой исследовательницы (Е. А. Власовой), «письма издателю не только обеспечивают органическую цельность всей формально-композиционной структуры повести, но и создают свой собственный «эпистолярный», имплицитный сюжет, который оказывается частью интертекстуального поля «Зоны» [12]. Здесь проводится параллель с устоявшейся для русской классики нарративной традицией: прием «сюжетной (авторской) маскировки», а в пример приводятся пушкинские «Повести Белкина» и «Капитанская дочка», «Журнал Печорина» из «Героя нашего времени» и «Записки из Мертвого дома» Достоевского. Е. А. Власова обращает внимание «на близость стилевых стратегий, на характер повествования, на свободу изложения» [12] в «Зоне» и в «Прощай, оружие!» Хемингуэя. Так же она видит связь между «Заповедником» и пушкинскими текстами: «Основу интертекстуального поля «Заповедника» уже на тематическом уровне – «михайловский текст» – со всей несомненностью составляет пушкинский интертекст, ориентированный на такие произведения классика, как «Евгений Онегин», «Повести Белкина», «Дубровский», «Каменный гость», «Капитанская дочка», «Я вас любил...», «Андрей Шенье», «Вновь я посетил...» и др., с очевидными и видимо прочерченными сопоставительными звеньями-аллюзиями» [12].

Другой большой вопрос, занимающий исследователей творчества писателя, – довлатовские жанры.

И. Смирнов-Охтин в своем докладе «Уроки Довлатова», представленном на вторых «Довлатовских чтениях», определил, что «исследование абсурда жизни и стало со временем главным в творчестве Довлатова». Он полагает, что Довлатов утвердился в жанре, существовавшем и до него – «проза, беллетристика на конкретном жизненном материале, на реальных событиях в судьбе авторов или их знакомых» [40].

Традиционный для всей мировой литературы жанр рассказа предстает, по мнению Ю. Е. Власовой, у Довлатова в существенно преображенном виде:

«его своеобразие обуславливается ... прежде всего обращением художника к его (жанра) истокам – к традиции устного повествования, что заставляет вспомнить о фольклоре. Вместе с тем рассказ Довлатова вырастает и на собственно литературной почве, опирается на прочные сформировавшиеся именно в литературе, традиции. Органическое соединение двух указанных начал определяет своеобразие довлатовского рассказа (и – шире – своеобразие художественного мира писателя)» [13].

А. Генис обращает внимание на большую роль документальности в прозе Довлатова. Он считает, что документальность, которую мы наблюдаем в произведениях Довлатова, это «плод решения эстетической задачи» [16].

И. Клименко определяет довлатовский жанр как «псевдобιοграфический non-fiction» [24], В. Рекшан, И. Смирнов-Охтин и В. Шпаков в своём манифесте «Новая мемуаристика: контуры жанра» причисляют Довлатова к писателям, трудившимся в этом жанре – «новая мемуаристика» [37].

М. Липовецкий и С. Чупринин предлагают определить жанр Довлатова как «новый автобиографизм».

Сам Довлатов в интервью с Д. Глэдом точно обозначил свои жанровые установки: «Дело в том, что тот жанр, в котором я, наряду с другими, выступаю, это такой псевдодокументализм. Когда все формальные признаки документальной прозы соблюдаются, то художественными средствами ты создаешь документ» [18, с. 90].

Все попытки определить жанр Довлатова выводят нас на разговор о соотношении факта и вымысла в его прозе. Г. Доброзракова в своей работе «Факт и вымысел в прозе С. Д. Довлатова» составила классификацию приёмов, благодаря которым писатель находил то соотношение факта и вымысла, которое наиболее полно отвечало поставленным творческим задачам:

- формальный прием употребления в одном предложении слов, начинающихся с разных букв;
- использование подлинных и вымышленных собственных имен;
- изменение дат и фактических деталей;
- прием повторов;
- приемы игры;
- приемы поэтики анекдота;
- мифологизация.

По мнению Г. Добзраковой, «автобиографической прозой нового типа довлатовская проза становится исключительно за счет активного использования в рамках автобиографического жанра элементов поэтики анекдотического как особой категории комического» [19, с. 343].

Прозу Довлатова безусловно можно отнести к автобиографической прозе нового типа, однако, нам представляется, что сделать это возможно только воспринимая основные довлатовские принципы и приемы в совокупности, не пытаясь выделить какой-то один принцип как основополагающий.

Последним важным вопросом для исследователей творчества Довлатова является вопрос о его стиле. Резюмируя существующие исследования, можно выделить следующие стилевые особенности, свойственные довлатовским прозаическим произведениям:

- комическое заострение фактов;
- использование закона пуанта надо;
- присутствие поэтического начала в прозе;
- отсутствие дидактичности и поучительности;
- «образцовость»;
- автобиографичность;
- парадоксальность и абсурдизм;
- анекдотичность.

1.2 Своеобразие прозы С. Довлатова 1962-1990 годов

В данной работе мы рассматриваем пять произведений С. Д. Довлатова. «Зона: записки надзирателя», «Компромисс», «Заповедник», «Наши» и «Чемодан». Общеизвестный факт – Довлатов беллетризировал свою биографию, поэтому, как правило, прототипом главного героя его произведений является он сам. Это легко понять по схожим именам (Далматов, Довлатов, Долматов и др.) или по схожим характерам, поэтому в данном списке произведения выстроены в соответствии с биографией писателя. Так мы сможем проследить творческую эволюцию писателя и личностное развитие главного героя, общего для всех книг, – автопсихологического героя.

«Зона» повествует об армейском периоде жизни. Замысел этой книги родился у Довлатова еще в 1962 году, во время службы. Первые рассказы были написаны в 1965-1968 годах, письма к издателю, которые помогают книге оформиться композиционно написаны уже в 1980-ых. А. Генис так напишет об этой книге: «“Зона” была для Сергея если и не самой любимой, то самой важной книгой. Ее он не собирал, а строил – обдуманно, упорно и педантично. Объединяя лагерные рассказы в то, что он назвал повестью, Довлатов сам себя комментировал. В первый раз он пытался объяснить, с чем пришел в литературу» [16]. Это произведение знакомит нас с героем, имена которого в следующих книгах будут меняться, но это будет один и тот же человек – автопсихологический герой Сергея Довлатова. «Зона» во многом открывающая работа, она знакомит нас с творческим методом, с художественным миром. И мы в рамках этой работы попробуем выяснить

каким Довлатов видит русских и русский мир, каким образом он пишет об этом, какие использует приемы. По своей тематике «Зона» самая тяжелая книга из выбранных нами для анализа: лагеря, русский холод окружающей природы и человеческой души, пьянство, суровые законы жизни.

Н. М. Малыгина, специалист по русской литературе XX века, говорит: «У Довлатова возникает обобщенная картина общества, живущего по уголовным законам. Довлатов показывает мир, в котором жестокость, насилие и ложь царят по обе стороны колючей проволоки. <...>. Лагерный опыт позволил Довлатову переосмыслить проблему соотношения добра и зла в человеке. Лагерь предстает в «Зоне» как пространственно-временная ситуация, располагающая ко злу человека, способного в других обстоятельствах проявить человечность» [31]. Довлатовский герой подмечает в себе черты, созданные жизнью, основанной на законах лагеря. Тем не менее, автор полемизирует с Шаламовым, в отличие от последнего, он уверен, что в жизни, несмотря ни на что побеждают добро и бескорыстие. Довлатов видит человечность в каждом, он отказывается показывать и охранников, и заключенных только в отрицательном свете. Это качество напоминает Бабеля и его «Конармию»: персонаж Лютов испытывает ужас вместе с восхищением, наблюдая за казаками, воевавшими в армии Буденного. «Зону» будут сравнивать и с другими произведениями всех известных «лагерных» авторов: Достоевским, Чеховым, Солженицыным, Шаламовым и многими другими.

Хронологический разрыв между описываемыми событиями первой и второй книги около десяти лет. В «Компромиссе» представлены двенадцать историй о журналистском периоде Довлатова. Каждому рассказу предшествует газетная преамбула, а затем мы узнаем при каких обстоятельствах и каким образом создавалась эта статья. Герой работает журналистом в Эстонии и рассказывает о закулисе газетной жизни. Раскрываются темы абсурдности окружающего мира, пьянства, прогнившей

номенклатуры, театральности жизни, вездесущего и органически сросшегося с правдой вранья в газетных статьях, иронического отношения к жизни – как единственно возможного способа воспринимать все перечисленное и не сходить с ума. Непоследовательно, но мы наблюдаем все этапы работы в журналистской сфере, от момента, когда герой попадает в Таллинн и устраивается работать в газету до решения покончить с этой гнилой деятельностью. И. С. Заярная так напишет о «Компромиссе»: «Здесь уже в полную силу отразился талант Довлатова-юмориста. Юмор – мощное средство противостояния тем поистине трагическим ситуациям и сторонам действительности, которые постоянно сопровождают и автора, и его героев. <...> Эта книга, по сути, мрачная история о системе лжи в советском обществе и об изнанке журналистской профессии, об атмосфере продажности и лжи, пронизавшей насквозь газетный мир. Желаемого эффекта воздействия писатель достигает исключительно художественными средствами. Он проявляет себя как мастер диалога, как замечательный стилист» [25]. Тематически «Компромисс» гораздо шире «Зоны», это самая визионерская работа писателя, именно по ней чаще всего ставят спектакли, а режиссер Станислав Говорухин снял фильм «Конец прекрасной эпохи». Мы наблюдаем за жизнью героя, знакомимся с его друзьями, окружением, привычками. Он раскрывается. Раскрывается и писатель, он ставит больше вопросов, позволяет себе смелее рассуждать, формируется художественный мир единого довлатовского текста.

«Заповедник» – переломная книга, как для главного героя, так и для писателя. Из пяти, выбранных нами, произведений это единственная повесть. Это произведение о том времени, когда Довлатов работал экскурсоводом в Пушкинском заповеднике. Сильно замедляется темп жизни лирического героя и повествования писателя. Герой переживает кризис, ищет спасения в дистанцировании и смене обстановки, ищет спасения у природы, то есть у чего-то вечного, спокойного и незыблемого. Автор задается

экзистенциальными вопросами: свобода или стабильность, жизнь без перспектив на родине или эмиграция, сулящая признание, смысл человеческой жизни, важность семьи. Тематически на этом произведение не заканчивается: снова пьянство, роль Пушкина в русской культуре и пушкинсий миф, размышления о жизни на лоне природы, о судьбе России. Писатель наблюдает за людьми подмечает неровности и шершавости в их характерах. Герой с этими людьми знакомится и проводит время, удивляется чертам их характеров, сближается или наоборот старается отдалиться. Уже упоминаемая нами И. С. Заярная говорит: «Любимые герои писателя – большей частью неудачники, лишние, талантливые, но непризнанные писатели, алкоголики, диссиденты. Такими персонажами населены страницы повести» [25]. Писатель повествует о несложившихся судьбах, о чудаках для которых заповедник стал единственно возможным убежищем от сложностей жизни, к этим «бедолагам» относится и главный герой, писатель-неудачник. В конце герою предстоит принять решение оставаться или ехать вслед за женой и дочкой в Америку? Финал у произведения открытый, но, если мы вернемся в самое начало, к эпиграфу, то поймем, что герой уезжает. Критики часто называют «Заповедник» лучшей книгой Сергея Довлатова, ведь в ней есть поставленные вопросы, над которыми главный герой размышляет и получает ответы. Сюжетно книга отражает творческую зрелость писателя.

В «Наших» главный герой и писатель практически сливаются воедино. Мы знакомимся с семьей Довлатова, вот как он сам описывал эту книгу в письме к издателю И. Ефимову: «я закончил такую семейную хронику, под названием «Наши», это история семьи + политика, война, государство и некоторая философия жизни. В общем, через семью показаны более крупные вещи» [2, с. 457]. Перечисленное после знака плюс лежит на поверхности, мы же постараемся глубже заглянуть в характеры, проанализировать черты героев. Книга написана уже в Америке, писатель вспоминает свои корни, историю своей страны, герой ностальгирует. Мы сближаемся с ними.

Повествование ведется о событиях, лежащих за рамками момента написания, не в пример предыдущим произведениям. Литературовед Лев Лосев в некрологе, посвященном Довлатову, так выскажется об этом произведении: «Проза его часто откровенна, но никогда не похабна. Он рассказывает, «как на самом деле» было, но в нашей памяти создаваемые им образы людей и животных становятся фигурами мифологических пропорций. Деда, отец и мать, жена, брат – реальные люди, о чьих реальных делах идет речь в книге под названием «Наши» [28].

Завершающая для нашей работы, но не для писателя, книга – «Чемодан». В ней автор рассказывает о содержании чемодана, забытого в шкафу и случайно найденного спустя несколько лет после эмиграции. Мы снова окунаемся в ностальгию, территориально переносимся из Америки, где произведение начинается, в Советский Союз. Мы понимаем, что эмиграция дается герою нелегко, а вот для писателя это становится плодотворным плацдармом. Если предыдущие книги имели хронологическую связанность, то «Чемодан» это уже сборник отдельно стоящих новелл, которые объединяет только то, что вещи, описываемые в них, герой находит в одном чемодане. Вот что пишет С. Н. Ширяева: «Относясь вполне равнодушно к материальным благам и вообще «неодушевленной природе», Довлатов любил всякие милые эфемерности, разбросанные вокруг человека, сроднившиеся с ним – всяческие авторучки, ножички, записные книжки, цепочки, фляжки и прочее. <...> Для Довлатова «Чемодан» – хранитель «пропащей, бесценной, единственной жизни», книга о личностных смыслах вещей, которые стали этапами судьбы и воспоминанием о «такой России». Это череда воспоминаний» [54]. Через вещи из этого чемодана, легко можно выстроить портрет человека, за каждой вещью стоит своя история из жизни героя. Довлатов-писатель творчески оформился, имеет свой строго выдержанный стиль, который естественно был и в предыдущих книгах, но здесь укрепляется окончательно. С героем мы прощаемся, оставляя его в

меланхоличном состоянии, в котором часто наблюдали его в предыдущих книгах. Довлатовский герой и в последующих книгах не получит своеобразной сюжетной точки и завершенности, так как жизнь писателя прервалась неожиданно, а значит и герой застывает в своем развитии.

В данной работе мы выделяем два аспекта творчества Довлатова: тематическое и сюжетное своеобразие картины русской действительности и приемы характерологии. В его произведениях находят себе место самые разные человеческие характеры: диссиденты, алкоголики, экзистенциалисты, непризнанные гении, любой кто не вписывается в общепринятые рамки – одним словом, чудики. На происходящие с ним и его героями события он всегда смотрит с интересом, энтузиазмом и иронией, что бы эти события из себя не представляли. Ведь с чудиками вряд ли будет происходить что-то заурядное, это будет драка, создание рельефа для станции метро, попойка, конвоирование зека, рождение ребенка, работа экскурсоводом, акт воровства, отсидка в тюрьме, съемки в кино. Даже обыденные события из этого списка не будут похожи на то как мы себе их представляем. Уникальность Довлатова заключается в том, что обыденные события он умеет подать с необычной стороны и таким образом, что мы узнаем в заданных обстоятельствах себя.

Как мы упоминали ранее, Довлатов рассказывает истории на материале собственной жизни, поэтому часто события, описываемые в его произведениях, это случаи и происшествия из бытовой жизни, знакомые читателю. По мнению П. Вайля «...В традиционном русском понимании таланта у него (Довлатова) было немного – он не мог придумать сюжета, каких-то воображаемых ситуаций» [10, с. 10]. Утверждение достаточно спорное, однако в одном аспекте – верное. Воображаемых ситуаций в творчестве Довлатова было немного, тематика его произведений отлично определяется его словами о самом себе: «Я считаю себя рассказчиком, не писателем. Рассказчик говорит о том, как живут люди, прозаик говорит о

том, как должны жить люди, а писатель - о том, ради чего живут люди. Так вот, я рассказчик, который хотел бы стать писателем». Нам представляется, что Довлатову удалось сочетать в себе рассказчика и писателя, он безусловно не говорит о том, как должны жить люди, морализаторство и дидактичность отсутствуют в его прозе, а выводы он оставляет на совесть читателя, Довлатов рассказывает о том как и ради чего живут люди.

Выводы по 1 главе.

Проза Довлатова – актуальная, ещё не до конца раскрытая тема, со множеством спорных и нерешенных вопросов, исследование которой может помочь объяснить феномен русской литературы второй половины XX века.

Творчество С. Д. Довлатова характеризуется анекдотичностью, наличием абсурдистского начала, разнообразием категорий комического, уникальным псевдодокументалистским методом.

Глава 2.

КАРТИНА РУССКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И ПРИЕМЫ ЕЕ СОЗДАНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С. ДОВЛАТОВА

2.1 Тематическое и сюжетное своеобразие картины русской действительности в прозе Довлатова

Первое произведение, которое мы будем рассматривать в данной работе – «Зона. Записки надзирателя». Творческая история этой книги растянулась практически на два десятилетия. Композиционно она организована следующим образом: рассказы, написанные в 1965-1968 годах, комментируются Довлатовым из 1982 года в письмах к издателю.

Приведем две цитаты из одного письма: «Я вообще пишу не о тюрьме и зеках. Мне бы хотелось написать о жизни и людях» [1, с. 329] и «Ещё раз говорю, меня интересует жизнь, а не тюрьма. И – люди, а не монстры» [1, с. 329]. Из истории нам известно, что у Довлатова были проблемы с изданием «Зоны». Говорили об исчерпанности лагерной темы. Однако две предыдущие цитаты показывают, чем это произведение о лагерях отличается от других. Какие ассоциации возникают у человека, когда он думает о лагерях? Мрак, насилие, злоба, беспросветность. Любая книга о лагере – тяжелая, но не довлатовская. Довлатов не рассказывает о боли, страданиях или жестокости, он наблюдает за человеком и явлениями человеческой жизни. Что присуще лагерной картине мира по Довлатову? «Родство тишины и мороза» [1, с. 297], постоянные мысли о воле, как среди заключенных, так и среди охранников, пьянство, черный юмор, но при этом стремление каждого человека найти нечто, способное сохранить «человеческое» в душе. Он смотрит на вещи с грустной, светлой иронией. Представляет нашему вниманию те события и сюжеты, которые неочевидны для книги о лагерях. Рассмотрим несколько эпизодов.

Густав Пахапиль окончил мореходную школу в Таллине, получил диплом радиста и был призван в охрану. Вместо рассказа о том, как молодому человеку тяжело дается адаптация в новых, тяжелых условиях, мы читаем как он философствует о том, где должны жить эстонцы, выпивает на кладбище, его будто совершенно не заботят условия, в которых он оказался.

Довлатов рассказывает о явлении под названием «сеанс»: «Он поднял с земли микроскопическую вещь и долго тер её рукавом. Это был осколок чашки величиной с трехкопеечную монету. Там сохранился фрагмент рисунка – девочка в голубом платье. Уцелело только плечико и голубой рукав. На глазах у зека появились слезы. Он прижал стекло к губам и тихо выговорил: – Сеанс!..» [1, с. 192]. Довлатов объяснил это понятие как «всякого рода положительное чувственное ощущение» [1, с. 192].

В рассказе где главным героем становится зек по фамилии Мищук, мы наблюдаем абсолютно невозможное в реальной жизни, но отлично живущее у Довлатова на страницах, явление. Посреди бела дня в зоне приземляется вертолет, из него спускается друг Мищука Дима Маркони и они мило беседуют целый час. Для нас в этом эпизоде важно как окружающие зэки реагируют на вертолет, приземляющийся в зоне: «Чудеса, – первым констатировал Адам. – Чтоб я так жил! — воскликнул Лейбович. – Зуб даю, – коротко поклялся Чалый. – Сеанс, – одобрительно заметил Мурашка. – Феноменально, – произнес Белуга, – итс вандерфул» [1, с. 195]! И как они реагируют на взлет вертолета, став свидетелями разговора двух друзей: «Прощайте, – сунул ему руку Маркони. И взошел по трапу. Мищук улыбался. – Мы еще полетим, – крикнул он, – мы еще завинтим штопор! Мы еще плюнем кому-то на шляпу с высоты! – В элементе, – подтвердил Мурашка. – Зуб даю, – однообразно высказался Чалый. – Оковы тяжкие падут! – закричал фарцовщик Белуга. – Жизнь продолжается, даже когда ее, в сущности, нет, – философски заметил Адам. – Вы можете хохотать, – застенчиво произнес Лейбович, – но я скажу. Мне кажется, еще не все

потеряно... Вертолет поднялся над землей. Тень от него становилась все прозрачнее. И мы глядели ему вслед, пока он не скрылся за бараками» [1, с. 197]. Довлатов рассказывает нам сюжет, демонстрирующий стойкость человеческого духа, надежду, живущую в сердцах заключенных, в, казалось бы, нечеловеческих условиях.

В казарме празднуют Новый год, за шесть часов до курантов многие уже пьяны, Фидель молится богу, наш главный герой, выступающий в этой повести под фамилией Алиханов, не пьет и не присоединяется к группе вохровцев, решившись воспользоваться женщиной в беспомощном положении. Алиханов долго думает о происходящем, а в конце находит утешение в письме: «Жизнь стала податливой. Ее можно было изменить движением карандаша с холодными твердыми гранями и рельефной надписью – «Орион» ...» [1, с. 213].

В другом рассказе уже знакомые нам Пахапиль и Фидель не могут поделить между собой медсестру Раису. Характерно для Довлатова в начале присутствуют такие слова: «Я начал с кладбища, потому что рассказываю историю любви» [1, с. 218]. Любви находится место даже в лагере, пусть она заранее обречена умереть, Довлатов все равно выбирает эту историю, чтобы рассказать её в книге о лагере.

Большой, значительный отрывок «Зоны» посвящен рассказу о зэке Купцове, который упорно отказывается работать, по его представлениям о жизни вор работать не должен, вор ворует. Различные обстоятельства пытаются сломать его, но он не сдается. В конце, измученный содержанием в штрафном изоляторе, он отрубает себе руку, предпочитая не предавать своих идеалов.

Два заключенных, Ероха и Замараев, ведут диалог, один из них городской житель, другой – представитель деревни. И оба совершенно не понимают друг друга, их миры абсолютно разные. Автор показывает нам, что

в закрытом обществе, где все ходят в одинаковой форме, спят на одинаковых нарах и едят одинаковую баланду – люди по-прежнему отличаются друг от друга. Два «преступника» которые, казалось бы, легко должны находить общий язык в силу якобы схожей сущности, совершенно не понимают друг друга.

Ещё один значительный отрывок «Зоны» посвящен истории капитана Егорова. С этим характером мы познакомимся чуть дальше, а пока посмотрим с помощью каких ключевых точек рассказана история. Егоров едет на юг в поисках жены, жена Катя холодным зимним утром жалуется на лед в умывальнике, у четы Егоровых рождается ребенок.

Главный герой, Боб Алиханов, спасает зека, которого избили и хотели убить другие заключенные. А на утро приходит к доктору и начинает плакать.

Еще одна история любви между школьной учительницей и истаскавшимся шестидесятилетним зеком Макеевым которые вблизи видели друг друга лишь однажды и обменялись подарками: самодельным пластмассовым мундштуком и оранжевый шарф, снятый с шеи.

Капитан Токарь, строгий, спокойный, отрешенный человек, теряет верного друга – черного спаниеля по имени Брошка.

Главный герой, Борис Алиханов, находит утешение в писательстве. В момент, когда его избивают, в голове он сочиняет об этом рассказ. Он наблюдает за удушением лагерного вора, а сознание фиксирует каждую деталь. Он замерзает, сознание регистрирует в голове этот факт в художественной форме: «Плоть и дух существовали отдельно. И чем сильнее была угнетена моя плоть, тем нахальнее резвился дух» [1, с. 199]. В этой защитной реакции он находит своё избавление, свой способ не убежать от окружающей действительности и не надломиться духовно, остаться человеком.

К шестидесятилетию октября готовится к постановке пьеса, роли исполняют заключенные, между ними завязываются отношения как в настоящем театре, перед спектаклем они волнуются, в конце, исполняя «Интернационал», объединяют в едином душевном порыве.

Когда Фиделю поручают отконвоировать своего сослуживца и друга Боба, он оказывается в трудной ситуации. Ему приходится «играть начальника», но это противоречит его существу, его желанию, он все же поступает согласно уставу, однако через минуту бросает автомат, падает на колени и плачет. Он не хочет терять свою человечность.

Какого сюжетного наполнения мы ожидаем от произведения о зоне и лагерях? Жестокость, сцены насилия, предательство, жесткий устав, бесчеловечность, ненависть и злоба. Что мы увидим у Довлатова, если попытаемся выявить определенные чувства в рассмотренных выше эпизодах? Философия, вера, надежда, любовь, преданность принципам, история любви и создания семьи, тонкие чувства в душе внешне холодного капитана Егорова, слезы как принятие своей слабости и попытка остаться человеком. Показательным становится эпизод с явлением «сеанс», Довлатов описывает это как «всякого рода положительное ощущение». Если у определенного чувства появляется название, мы понимаем, что это важно для людей, человек в силу своей природы дает важным для него вещам имена.

Сюжет «Зоны» строится на ситуациях, где герои поступают и ведут себя не так, как должны по логике вещей. Логические столпы поведения человека на которых должен держаться мир в «Зоне» отсутствуют, охранники не испытывают вселенской ненависти к заключенным, заключенные проявляют понимание к охранникам, цветы любви прорастают сквозь любые препятствия в этом холодном мире, дружба на поверку оказывается превыше воинского устава. В этих явлениях заключено качество русского человека, во многом определяющее национальную картину мира: русское стремление к добру и человечности.

Во многих книгах о лагерях звучит мысль «оставаться человеком», как мы видим Довлатов, как и многие до него провозглашает эту мысль, но событийный ряд представленный в «Зоне» совершенно не характерен для книг, подобных ей по тематике. Этим Довлатов и уникален. С первого взгляда может показаться, что писатель не производит новых смыслов в этой книге, но он приводит к, уже озвученной другими, мысли, абсолютно новым способом. Сюжетообразующий принцип Довлатова позволяет взглянуть на уже знакомый для русского сознания мир лагеря с новой стороны.

Следующим произведением, о котором мы будем говорить является «Компромисс» – сборник рассказов о журналистском опыте в Эстонии, создававшийся в 1973-1980 годах и состоящий из двенадцати «компромиссов». В начале каждого рассказа приводится газетная статья или очерк, а затем мы узнаем историю создания этого материала.

Интересен выбор названия для этого сборника. Суть его становится ясна нам в самом конце, в двенадцатом компромиссе, рассказывающем о слете бывших узников фашистских концлагерей в Тарту. Фотографа Жбанкова местные пионеры принимают за бывшего узника и дарят ему корзину с цветами:

«–Шикарный букет, – говорю. – Это не букет, – скорбно ответил Жбанков, – это венок!.. На этом трагическом слове я прощаюсь с журналистикой. Хватит! Мой брат, у которого две судимости (одна – за непредумышленное убийство), часто говорит: – Займись каким-нибудь полезным делом. Как тебе не стыдно? – Тоже мне учитель нашелся! «– Я всего лишь убил человека», – говорит мой брат, – и пытался сжечь его труп. А ты?!» [2, с. 190].

Этот небольшой отрывок раскрывает отношение Довлатова, завершившего свой журналистский путь в России и ещё не вступившего на этот путь в Америке, к этой профессии. От первого и до последнего

компромисса мы наблюдаем эволюцию автопсихологического героя, в этой книге Довлатов выводит на свет уже новые черты, отражающие национальный характер и формирующие особую картину мира.

Рассмотрим каким событиям уделяет внимание автор в каждом из «компромиссов». В первом – заметка о научной конференции при создании которой главред раз за разом критикует главного героя за политическую близорукость: страны-участницы должны идти в строгом порядке, сначала демократические, затем нейтральные, участники блока в последнюю очередь.

Во втором «компромиссе» – знакомство с антуражем таллиннского ипподрома: «Таллинский ипподром представляет собой довольно жалкое зрелище. Грязноватое поле, косые трибуны. Земля усеяна обрывками использованных билетов. Возбужденная, крикливая толпа циркулирует от бара к перилам. Ипподром – единственное место, где торгуют в розлив дешевым портвейном» [2, с. 11]. Главный герой рассказывает, как он вместе с «подающим надежды молодым спортсменом А. Ивановым» все лето зарабатывает деньги на скачках не самым благопристойным образом. Подающий надежды спортсмен, который согласился помочь со ставками впоследствии выпадет пьяным из такси, сломает ногу и обе ключицы и будет работать барменом в Мюнди. Прозаическая, простая история показывает нам игрушечность и картонность окружающего мира.

В третьем «компромиссе» – история спасения незадачливой подружки одного из сотрудников газеты. Во многих рассказах газетная работа отходит на второй план, мы наблюдаем за жизненными историями. К Мите Кленскому приезжает девушка по имени Алла Мелешко, оставшись в редакции в компании главного героя она начинает врать о себе. Вот что думает в этот момент главный герой, отражая взгляд автора на такого рода обман: «Бескорыстное вранье – это не ложь, это поэзия» [2, с. 18]. На утро после безобидной вечеринки Митя без предупреждения отправляется в командировку, а судьба Аллы, которой нужно добраться к жениху с тонкой

душевной организацией, остается в руках сотрудников редакции, людей в сущности чужих для этой героини. Безответственность и вранье здесь не порицаются, они принимаются, как и все другие человеческие качества.

В четвертом рассказе предпринимается попытка создать эстонский букварь для малолетних русских читателей. Но главного героя вновь обвиняют в неготовности работать в партийной газете, ведь в созданном им стишке, медведь разговаривает по-эстонски.

В пятом «компромиссе» готовится материал о четырёмсоттысячном жителе Таллинна. По задумке главного редактора младенец нужен «публикабельный», то есть здоровый мальчик из полной семьи которого должны назвать Лембитом. Одну семью забраковывают из-за отца эфиопа, вторую из-за отца еврея и вот наконец третья семья: родители не любят друг друга, сожительствуют, ребенок появился у них случайно, отец пьёт, но зато оба – русские и работают на заводе. История показывает, что журналистике часто важен лишь фасад, а не внутреннее содержание.

В шестом «компромиссе» главная героиня ищет героя для рубрики «Встреча с интересным человеком». Она ищет человека с интересной биографией, встречается с любовью своей юности, разочаровывается в нем, другой кандидат прототипом которого является Довлатов приводит её в ужас своим образом жизни, и в итоге она возвращается к варианту, который в начале показался ей кошмарным.

В седьмом «компромиссе» готовится материал по теме «Человек и профессия», портной Эстонского драматического театра, невероятно увлеченный и разбирающийся в своем деле человек, оказывается бывшим палачом, служившим у немцев. А рекомендовал этого человека директора театра – бывший обер-лейтенант СС с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Главного героя редактор в очередной раз обвиняет в политической близорукости и неразборчивости.

Восьмой рассказ является самым известным из сборника, в качестве газетной преамбулы здесь приводится переписка доярки Линды Пейпс, ударной труженицы, и Брежнева. Главный герой вместе с фотографом Жбанковым отправляются в командировку, наслаждаются обществом двух сопровождающих дам, пьют, размышляют о сущности бытия. Письмо, написанное от лица Линды, составляет Довлатов с похмелья, при встрече задавший ей всего пару вопросов, а ответ товарища Брежнева и вовсе приходит раньше, чем письмо было отправлено.

В девятом «компромиссе» Тийна Кару, о которой главный герой пишет статью, показывающую её как образцового советского гражданина, решает свои проблемы с мужем довольно прагматичным образом. У них не ладятся половые отношения, Тийна берет у Довлатова книжку, а затем просит помочь практически. Герой ошарашен таким утилитарным подходом и всё же помогает найти человека для практики: «...Есть же у тебя друзья-подонки? – Преобладают, – сказал я» [2, с. 114]. Дело завершается успешно: «Я спрятал бутылку в карман и пошел заканчивать статью на моральную тему» [2, с. 116].

Десятый «компромисс» – история жизни Эрнста Леопольдовича Буша. Писатель так опишет его в последнем абзаце: «...диссидент и красавец, шизофреник, поэт и герой, возмутитель спокойствия...» [2, с. 156]. Рассказ начинается с заметки в которой говорится, что Э. Л. Буш был доставлен в медвытрезвитель. В этом рассказе мы узнаем, что Довлатов-персонаж попадает в Таллинн случайно, с Бушем знакомится также, а затем мы знакомимся с удивительной биографией последнего. С помощью нескольких моментов из его жизни, автор показывает и объясняет суть мятежности этого характера. Этому мы уделим внимание в следующем параграфе, а пока остановимся на анализе событий. К семи годам он возненавидел своих родителей – образцовых коммунистов, после окончания школы год работает на траулере, сочетая в себе нонконформизм и беспринципность, идет

работать в журналистику, за два года обольщает четырех женщин, на ответственном задании от которого зависит его зачисление в штат вместо интервью с западным капитаном торгового судна напивается с ним, выдумывает материал, а на следующее утро выясняет, что капитан – изменник родины. Мы узнаем подноготную номенклатурной работы: «Есть у номенклатурных работников одно привлекательное свойство. Они не злопамятны хотя бы потому, что ленивы. Им не хватает сил для мстительного рвения. Для подлинного зла им не хватает чистого энтузиазма. За многие годы благополучия их чувства притупляются до снисходительности. Их мысли так безжизненны, что это временами напоминает доброту» [2, с. 145]. На демонстрации по случаю 7 Ноября выходит с плакатом «Дадим суровый отпор врагам мирового империализма!», на допросе после происшествия засыпает в кабинете генерала, когда тот молча покидает комнату, считая это самой мощной психологической атакой. В качестве сувенира крадет стенгазету из местного отделения КГБ. Рассматривая эти события, мы понимаем, что окружающая реальность будто сама подталкивает людей на провокацию. Только провоцируя, нарушая привычный ход вещей можно постичь русскую действительность.

В одиннадцатом «компромиссе» мы присутствуем на похоронах директора телестудии Хуберта Ильвеса, где были перепутаны гробы. Вторая семья в ужасе, но похороны останавливать нельзя, идет прямая трансляция, гробы поменяют ночью.

Завершающий двенадцатый «компромисс» повествует о слете бывших узников фашистских концлагерей. Памятное, торжественное мероприятие превращается в обычную попойку, Жбанкова фотографируют пионеры из местной газеты, приняв за бывшего заключенного.

Мысль о губительности компромиссов протянулась красной нитью через все повествование. В этом сборнике Довлатов показывает, что

балансировать между правдой и интересным материалом, благополучием и честностью, истиной и удобством, чрезвычайно трудно. Подобным балансированием отмечена вся русская действительность, рисуемая Довлатовым в его произведениях, мы видели попытки сохранения дистанции между охранниками и заключенными в «Зоне», попытки балансирования между исполнением поручения и желанием отразить, пусть относительную, но истину в «Компромиссе», мы увидим душевные метания героя между стремлением быть с семьёй и надеждой творчески реализоваться на родине в «Заповеднике».

Справляться с этим нестабильным, мечущимся миром, преодолевать тягости жизни русскому человеку зачастую помогает алкоголь. Он является неотъемлемой частью русской культуры на протяжении многих столетий. В произведениях других русских классиков тема алкоголя нашла свое отражение, у Достоевского это темное пьянство, которое он всячески осуждает, Некрасов признает, что алкоголь – единственное удовольствие простого народа, он помогает справиться с трудностями, у Гоголя выпивка – часть колорита.

В «Компромиссе» алкоголь – органически присущ жизненному ландшафту, он – необходимая часть жизни, при этом мы не встречаем черного, беспробудного пьянства, не встречаем осуждения со стороны рассказчика, пьянство здесь – не порок, а пьяницы – беззлобные и добродушные. Употребление алкоголя органично вплетено в ткань будней и не препятствует мирному течению жизни. Из двенадцати компромиссов выпивка не упоминается всего в трех.

В третьем компромиссе автор приводит описание типичной вечеринки: «...хозяйка опьянеет и выскажет то, что думает о каждом из нас. Но мы привыкли и не обижаемся <...> Вера опьянела, целовала портрет Добролюбова: «Какие были люди!..» [2, с. 20-21]. Никаких разборок и ругани мы здесь не увидим. В третьем компромиссе выведена ещё одна

национальная черта – жертвенность. Лирический герой спасает незнакомую, по сути, девушку, попавшую в передрагу.

Отношение окружающих к выпивке иногда неодобрительное, но всегда смягчается иронией.

«– Вы пьяны? – резко спросил Туронок. – Откуда? Я же на задании. – На задании... Когда вас это останавливало?!» [2, с. 39].

«– Михаил Владимирович нездоров, - сказала она. – Пьяный, что ли? – спрашиваю. – Как свинья. Это ты его напоил? – Ничего подобного. И вообще, я на работе. – Ну, прости» [2, с. 41].

В восьмом компромиссе мы сталкиваемся с бесперебойным употреблением алкоголя и некоторой абсурдностью окружающего мира. Материалом для газеты становится фальшивая переписка Брежнева и обыкновенной доярки Линды Пейпс, надоившей «с одной коровы рекордное число молока» [2, с. 74]. Мы наблюдаем за созданием этой «переписки». Главный герой и фотограф Жбанков едут в командировку, пьют по дороге туда, пьют по приезду, пьют во время всей командировки, однако выполнению задания это не мешает.

Алкоголь является неотчуждаемой частью русской действительности. Рождение ребенка, похороны, ужин, рабочая поездка, знакомство, слет бывших узников концлагерей – нетрудно найти повод, чтобы выпить, трудно подобрать ситуацию, в которой алкоголь будет некстати. Но к этому, как и ко многим другим вещам, Довлатов, а вслед за ним и его персонажи, относится с иронией.

Ещё одной чертой национальной ментальности, вырисовывающейся в «Компромиссе», становится ироническое отношение к жизни. Тезис о том, что ирония и самоирония – единственно возможный способ выжить в России, находит подтверждение в этом произведении.

«Навстречу шла женщина в белом халате. – Посторонним сюда нельзя. – А потусторонним, – спрашиваю, – можно?» [2, с. 36].

«...Меня вот Гришей назвали, а что получилось? Кем я вырос? Алкашом... Уж так бы и назвали – Алкаш...» [2, с. 47].

«– Вы – алкоголик? – Да, – четко ответил Жбанков, – но в меру...» [2, с. 89].

«Известно, что порядочный человек тот, кто делает гадости без удовольствия...» [2, с. 145].

Довлатов раскрывает своё отношение к миру. Беды и различные катаклизмы он воспринимает отрешенно и старается смотреть на все со стороны: «... человеческое безумие – это ещё не самое ужасное. С годами оно для меня все более приближается к норме. А норма становится чем-то противоестественным» [2, с. 124]. Понятия добра и зла относительны, понятие нравственности и рамки морали размыты. Привычные ориентиры теряются в потоке жизни. В «Компромиссе» мы видим мысль, берущую свое начало ещё в «Зоне»: мир не разделен на хороших и плохих, на черное и белое. В этой книге главный герой попадает в самые разные ситуации, но интересны ему лишь те, где человек поступает не так, как «нужно». Всё осуществляющееся по заранее известному сценарию ему неинтересно. Глупо было бы предполагать, что журналистская работа всегда происходит так, как она описана в «Компромиссе». На примере «Зоны» мы уже видели, что писатель выбирает события нетипичные для заданных обстоятельств. За рамками остаются спокойные дни в редакции, успешные статьи без интересной «закадровой» истории, Довлатов рассказывает нам лишь те случаи, когда герои идут против ветра повседневности: «У хорошего человека отношения с женщинами всегда складываются трудно. А я человек хороший. Заявляю без тени смущения, потому что гордиться тут нечем. От хорошего человека ждут соответствующего поведения. К нему предъявляют

высокие требования. Он тащит на себе ежедневный мучительный груз благородства, ума, прилежания, совести, юмора. А затем его бросают ради какого-нибудь отъявленного подонка. И этому подонку рассказывают, смеясь, о нудных благодетелях хорошего человека» [24, с. 165]. Однако при этом совершенно очевидно, что Довлатов – человек, плывущий по течению. Он не предпринимает попыток «оседлать» эту жизнь, вершить свою судьбу. Кажется, что все события, происходящие с ним, он воспринимает как неизбежное, но при этом совершенно точно – преодолимое. Если об этом можно написать, а написать можно практически о чем угодно, что ж, пусть происходит.

В «Компромиссе» раскрывается новая грань довлатовской картины мира: граница между нормальностью и абсурдностью реальности очень условна, люди похожи друг на друга, все они ищут счастья и покоя, с достоинством принимают ежедневный бой с повседневностью, вооружившись иронией и чувством юмора.

Следующее произведение, которое мы рассмотрим – повесть «Заповедник». Легко отслеживается творческая эволюция Довлатова. Два прошлых произведения – сборники новелл, в «Зоне» центральный герой практически сливается со всеми другими персонажами, автор рассказывает обо всех понемногу и наблюдает за окружающим миром, в «Компромиссе» начинает формироваться отдельная линия главного героя, автопсихологического героя Довлатова, он продолжает наблюдать за окружающими людьми и подмечать детали. «Заповедник» же представляет собой композиционно целое, оформленное произведение, мы наблюдаем за жизнью одного конкретного героя и уже он, а не автор, наблюдает за окружающим миром.

Темы алкоголя и иронического отношения к жизни находят своё продолжение в «Заповеднике». Приведем несколько цитат:

«...Вы его хорошо знаете? – Хорошо, – говорю, – с плохой стороны...» [2, с. 195],

«– Знаете, я столько читал о вреде алкоголя! Решил навсегда бросить... читать» [2, с. 195],

«– Угоришь с вина... Слышал, постановление вышло? Всех алкашей повесить на тросу!.. – Куда?! – расхохотался Михал Иваныч. – Железа не хватит. Всей нашей металлургии придет хана...» [2, с. 215],

«...с винищем дружишь... До смерти не опейся... – Трудно, – как будто даже посетовал Михал Иваныч» [2, с. 215].

В этой повести главный герой, Борис Алиханов, переживает творческий и личностный кризис. Вокруг него мы видим многих персонажей, переживающих каждый свои кризисы. Потерянный Михал Иваныч, множество одиноких женщин, работающих в заповеднике, безгранично ленивый Митрофанов, антиталантливый и изворотливый Стасик Потоцкий, законченный пропойца Марков – заповедник становится пристанищем и убежищем заблудших душ: «Слабые люди преодолевают жизнь, мужественные – осваивают...» [2, с. 242].

В «Заповеднике» поднимается большая важная тема, неактуальная для наших предшественников из XIX века, но актуальная для современников Довлатова и для нас – умирание русской культуры. Микротемой здесь становится развенчание пушкинского мифа: «–Тут все живет и дышит Пушкиным, – сказала Галя, – буквально каждая веточка, каждая травинка. Так и ждешь, что он выйдет сейчас из-за поворота... Цилиндр, крылатка, знакомый профиль... Между тем из-за поворота вышел Леня Гурьянов, бывший университетский стукач» [2, с. 201]; «На каждом шагу я видел изображения Пушкина. Даже возле таинственной кирпичной будочки с надписью «Огнеопасно!». Сходство исчерпывалось бакенбардами. Размеры их варьировались произвольно. Я давно заметил: у наших художников

имеются любимые объекты, где нет предела размаху и вдохновению. Это в первую очередь — борода Карла Маркса и лоб Ильича...» [2, с. 207]; «— Исполнилось пророчество: «Не зарастет священная тропа!..» Не зарастет, думаю. Где уж ей, бедной, зарости. Ее давно вытоптали эскадроны туристов...» [2, с. 209]; «Все обожают Пушкина. И свою любовь к Пушкину. И любовь к своей любви. Единственный порядочный человек — Марков... — Кто такой Марков? — Фотограф. Законченный пропойца. Я вас познакомлю. Он научил меня пить «Агдам». Это нечто фантастическое! Он и вас научит...» [2, с. 212]. Подобных по смыслу цитат, можно привести ещё очень много, но общий смысл в том, что люди сосредоточены на восхвалении и культивировании старого, а не на создании нового. Обращаясь к событийному ряду книги, мы видим, что людей в, казалось бы, оплоте культуры — Пушкинском заповеднике — интересует далеко не Пушкин. У каждого из них есть своя жизнь, со своими горестями и бедами, каждый из них стремится их преодолеть. Люди мельчают, но Довлатов сохраняет свою веру в людей, видит в них лучшее, а к худшему предлагает относиться с пониманием и иронией, культивируя мысль, озвученную выше — ирония и самоирония есть черта русской картины мира по Довлатову, а не только его писательский метод.

Основная черта национальной картины мира, которую мы видим в этом произведении — иронически-спокойное отношение русского человека к происходящим событиям позволяет ему, переживая кризис, не утонуть в нем, не погружаться в уныние, относиться ко всему с юмором, сопротивляться обстоятельствам, сохранять в себе силы для борьбы и ждать наступления лучших
времен.

2.2 Приемы характерологии в прозе С. Довлатова

Помимо самого разного рода событий за которыми наблюдает писатель Довлатов, большое внимание в его прозе отведено человеческим характерам. Писателю Довлатову нравится наблюдать за людьми. Любимый тип довлатовского героя – неосознанные экзистенциалисты, чудики, изобретающие свою систему жизненных координат и свой взгляд на вещи. Они стихийны, изобретательны, неординарны и обыденны одновременно, поведение их редко поддается логике.

Примером тому служат герои из разных книг.

Капитан Токарь из «Зоны», автор описывает его так: «жизнь капитана Токаря состояла из мужества и пьянства. <...> Воплощением мужества для капитана стали: опрятность, резкий голос и умение пить, не закусывая...» [1, с. 293]. Перед нами закаленный, строгий, спокойный, отрешенный человек, но и у него есть утешение в этой жизни – собака по имени Брошка. Её потерю он переживает буйно, эмоционально: «Вечером капитан Токарь напился. Он буйствовал в поселковом шалмане. Порвал фотографию лошади. Ругал последними словами жену. Такими словами, которые давно уже значение потеряли. А ночью шел куда-то мимо электростанции. И пытался, роняя спички, закурить на ветру...» [1, с. 299]. Мы видим, что в душе капитана Токаря есть место для любви. Видим, что каким бы безэмоциональным не был человек снаружи, ему, как и всякому другому, необходим друг.

Довлатов рассказывает историю капитана Егорова, его портрет отличается от предыдущего. Этот человек холоден, рассудителен, практичен, но при этом опять же не лишен положительных качеств. Вот как он реагирует на роды своей жены Кати: «выйдя из больницы, Егоров заплакал, отвернувшись к стене» [1, с. 268]. А так он реагирует, когда понимает, что

опасность миновала: «но главным было то, что спит жена. Что Катя в безопасности. И что она, наверное, хмурится во сне...» [1, с. 269]. Мы видим, что человек работа которого сопряжена с ежедневной жестокостью, сохраняет в себе некоторую духовность.

В «Зоне» выделяется одна из главных черт русского характера – воля, стремление к любви внутри самого себя в самых жестких обстоятельствах. Довлатов рисует картину мира в которой добро и зло произвольны, но человек стойко стремится найти утешение для своей души и обязательно находит его. Окружающая действительность не способна сломить дух русского человека. Воля к добру, стремление к чему-то светлому является нашим неотъемлемым свойством: «Разумеется, зло не может осуществляться в качестве идейного принципа. Природа добра более тяготеет к широковещательной огласке» [1, с. 251].

Эрнст Леопольдович Буш из десятого «компромисса». Антисоветчик и нонконформист с самого рождения, обольститель стареющих женщин, «злые языки называли Буша альфонсом. Это было несправедливо. В любви к стареющим женщинам он руководствовался мотивами альтруистического порядка [2, с. 126]. На просьбу дать закурить поздней ночью в темном парке Буш реагировал возмущенным возгласом и был избит до полусмерти, ищет способа погрузиться в гущу народной жизни, практически добившись восстановления в качестве штатного сотрудника, на новогоднем корпоративе вышибает ногой поднос с кофейными чашечками из рук жены главного редактора, одним словом всегда и во всем органически идёт против системы. Довлатов пишет о нем с явной симпатией, «Где он теперь, диссидент и красавец, шизофреник, поэт и герой, возмутитель спокойствия, – Эрнст Леопольдович Буш?!» [2, с. 156].

Фотограф Жбанков из восьмого «компромисса», предпочитающий не задумываться о жизни, плыть по течению и жить одним днём. Он не обременяет себя привычными нам моральными принципами, но при этом

Довлатов не изображает его злодеем, Жбанков – самый обычный человек, в котором читатель узнает свои черты: «– В Таллине опохмелимся, – сказал Жбанков, – есть около шести рублей. А хочешь я тебе приятную вещь скажу? Жбанков подмигнул мне. Радостная, торжествующая улыбка преобразила его лицо. – Сказать? Мне еще Жора семьдесят копеек должен!..» [2, с. 111].

Михал Иванович – хозяин дома в котором Довлатов поселился в Пушкинском заповеднике. Законченный пропойца, буйный, воинствующий, потерянный, но при этом добрый и нелепый.

Володя Митрофанов – коллега-экскурсовод, в котором со школьной скамьи сочетались уникальная память, безмерная жажда знаний и бесконечная лень. Умываться, завязывать шнурки, заполнить анкету при поступлении на работу, написать курсовую работу – все эти действия не могли свершиться из-за лени Митрофанова: «Митрофанов вырос фантастическим лентяем, если можно назвать лентяем человека, прочитавшего десять тысяч книг» [2, с. 228]. Довлатов рассказывает о нем не как о жутком тунеядце, не как о инфантильном человеке, он пишет с пониманием и добродушием: «он был явлением растительного мира. Прихотливым и ярким цветком. Не может хризантема сама себя окучивать или поливать...» [2, с. 229].

У Довлатова есть целая книга, посвященная людям – сборник рассказов «Наши». В тринадцати главах мы знакомимся с историей семьи Довлатова.

Ироническое отношение ко всяческим жизненным передрягам мы продолжаем наблюдать и в этом произведении. Но открываются и новые черты. Каждая глава в «Наших» посвящена отдельному члену семьи. В этом произведении представлены три поколения, мы попробуем выделить в каждом персонаже черты, отражающие тот или иной характер. Сложив эти качества, мы сможем определить какие черты присущи русскому характеру по Довлатову.

Дед Исаак по отцовской линии, которому посвящена первая глава, описывается как могучий, больше двух метров ростом, относительно спокойный человек, который очень много ест, а водку пьет из огромного стакана. У Довлатова наблюдается с дедом как внешнее, так и внутренне сходство. Однажды дед Исаак, в ответ на грубость в свой адрес от проезжавшего мимо шофера, поднял грузовик за бампер и развернул его поперек дороги. Грузовик простоял в переулке двое суток. Возникает резонный вопрос: «– Что же ты просто не дал ему в морду? – спросил отец. Дед подумал и ответил: – Боюсь увлечься...» [2, с. 312].

Дед Степан, по материнской линии, обладал грозным нравом, был сердитым и вспыльчивым. Детство у дедушки по современным меркам было тяжелым: отец бил его поленом, однажды продержал его в колодце несколько часов, опустив туда кусок сыра и полбутылки вина. Довлатов рассказывает о дедушке как о красивом, держащем в подчинении всю семью, непокорном человеке. Он не пожелал покидать дом после предупреждения о землетрясении. Когда опасность миновала, его семья вернулась и увидела такую картину: «Посреди руин сидел в глубоком кресле мой дед. Он дремал. На коленях его лежала газета. У ног стояла бутылка вина» [2, с. 315].

Дедушки Довлатова были людьми широкой души, **спокойными и невозмутимыми**. Существует стереотип «русские люди – холодные и злые». Однако декодируя его, мы понимаем, что холодность – это те самые спокойствие и невозмутимость, а злость – это неспособность и нежелание быстро открыться незнакомому человеку, ведь оба дедушки любили свою семью, заботились о них.

В третьей главе мы знакомимся с дядей Романом Степановичем. В молодости он был тифлисским кинто. Кинто – **остроумный** человек, отличающийся веселым и легким нравом, **беспечностью**. Дядя увлечен спортом, не признает компромиссов, на протяжении жизни часто повторяет фразу «в здоровом теле – соответствующий дух!», а затем, во взрослом

возрасте, на месяц попадает в психиатрическую лечебницу. Писатель описывает отношения с дядей следующим образом: «Меня дядя Роман искренне презирал. Я не делал утренней гимнастики. Не обливался ледяной водой. И вообще ненавидел резкие движения. А если мне хамили, шел на компромисс. Впрочем, меня оскорбляли довольно редко. За всю жизнь раза три. И все три раза – мой дядя» [2, с. 320]. Однако несмотря на такое отношение, племянник приходит дяде на помощь, когда тот попадает в беду, а писатель Довлатов с удовольствием подмечает в дяде все его чудачества.

Четвертая глава посвящена другому дяде, со стороны отца, дяде Леопольду, который стал аферистом и сбежал в Бельгию, провернув свое дело в восемнадцать лет. От Леопольда приехал некий Моня, жил у деда Исаака неделю, которого через некоторое время его расстреляли как бельгийского шпиона. Спустя три десятка лет, Довлатов вместе с матерью эмигрирует. В Вене он встречается с дядей, чувствуется холодность и неловкость: «Я знал, что должен обнять этого, в сущности, незнакомого человека. Мы обнялись. Я поцеловал Хелене руку, в которой она держала зонтик» [2, с. 332]; «Твоя жена в Америке. Мы посетили ее в Риме. У нее был пластик вместо сумочки. Я подарил ей хорошую сумку за шестьдесят долларов...» [2, с. 332]; «Твой отец романтик. В детстве он много читал. А я – наоборот – рос совершенно здоровым...» [2, с. 334]. Значительное место в этой главе занимает хозяин гостиницы в которой остановился Довлатов. Немец Рейнхард становится Довлатову ближе, чем родной дядя. Мы видим, что отношения, которые успевают завязаться между постояльцем гостиницы и её хозяином гораздо теплее, чем отношения дяди и племянника. Несмотря на то, что добрых, родственных отношений между ними не завязалось, мы видим, что дядя **заботлив** по отношению к члену своей семьи.

В пятой главе представлена тетка Мара, «тетка была наблюдательной и **остроумной**» [2, с. 337], всю жизнь проработавшая редактором чужих произведений, возможно именно поэтому глава в основном состоит из

пересказов историй, которые тетка рассказывала своему племяннику. Однако мы видим, что Довлатов относится к ней с большим теплом, его растрогали строчки стихотворения, написанного теткой незадолго до смерти: «жизнь пройдена до середины, а я все думаю, что горы сдвину...» [2, с. 342].

Шестая глава знакомит нас с мужем тетки Мары, Ароном, который фигурирует в ней как дядя. Довлатов пишет: «биография теткиного мужа Арона полностью отражает историю нашего государства. Сначала он был гимназистом. Потом – революционным студентом. Потом – недолгое время – красноармейцем. Потом – как это ни фантастически звучит – белополяком. Потом опять красноармейцем, но уже более сознательным» [2, с. 342-343]. Дядя по очереди любил Сталина, Маленкова, Булгарина и Хрущева, каждый раз разочаровываясь в лидерах: «А когда Хрущева сняли, мой дядя утратил любовь. Ему надоело зря расходовать свои чувства. Он решил полюбить Ленина. Ленин давно умер, и снять его невозможно. Даже замарать как следует и то нелегко. А значит, невозможно отнять любовь...» [2, с. 343-344]. Дядя хотел вернуться к истокам ленинизма, племянник этих взглядов не разделял, на почве чего они все время ссорятся. Однажды дядя тяжело заболел и «решил, что ему пора умирать» [2, с. 345]. Перед «смертью» дядя слезно просит прощения, раскаивается и разочаровывается в своих взглядах, однако через три недели выздоравливает и снова ругается с племянником. Ситуация повторяется множество раз, однако, когда дядя умирает, мы явственно видим, что бесконечные ссоры не мешали царствованию взаимной любви между дядей и племянником. На примере дяди Арона мы видим, что русскому человеку всегда необходимо **любить** и во что-то **верить**.

Анализируя четвертую и шестую главы, мы понимаем, что русский человек может принять в семью того, кто по сути таковой не является (дядя Арон был мужем тёти) и не будет стремиться сохранить отношения с членами семьи, которые эту семью предали или ясно дали понять, что не

нуждаются в ней (дядя Леопольд). Для русского человека **важнее духовная близость, чем кровные узы.**

Седьмая глава посвящена маме Довлатова. Про Сталина она говорила: «– Грузин порядочным человеком быть не может! Этому ее научили в армянском квартале Тбилиси, где она росла» [2, с. 349]. В повествовании о сестрах и брате своей матери автор написал фразу, отлично описывающую то какие люди интересны Довлатову-писателю: «Почему капризная злюка Анеля выросла самой доброй, честной и непритязательной? Безупречной настолько, что о ней скучно писать?..» [2, с. 352]. Автору интересны люди с изъянами, жизненными потертостями, пороками и недостатками. Все герои Довлатова – прямая противоположность героям произведений классицистического периода. Любая деталь, делающая человека больше похожим на человека, а не на однобокого, вечно стремящегося к «норме» и идеалу персонажа, важна писателю. О разводе родителей пишет без лишнего драматизма: «Затем родился я. Отец и мама часто ссорились. Потом разошлись. А я остался» [2, с. 353]. Сверхдраматизм Довлатову не свойственен во всей прозе. Мамин подвиг которая растила сына в одиночестве описан следующим образом: «Мать с утра до ночи работала. Я очень много ел, я рос. Мать же питалась в основном картошкой. Лет до семнадцати я был абсолютно уверен, что мать предпочитает картошку всему остальному. (Здесь, в Нью-Йорке, окончательно стало ясно, что это не так...» [2, с. 353]. В Норе Степановне проявляется **жертвенность.**

В восьмой главе представлен папа, Донат Исаакович. Отец видится сыну идеалистом: «Отец мой всегда любил покрасоваться. Вот и стал актером. Жизнь казалась ему грандиозным театрализованным представлением. <...> Это была не комедия и не трагедия, а драма. Добро в конечном счете торжествовало над злом. Низменные порывы уравновешивались высокими страстями. Шли в одной упряжке радость и печаль. Центральный герой оказывался на высоте. Центральным героем был

он сам» [2, с. 359]. Когда отца выгоняют из театра, он начинает писать для эстрады: «Он сочинял фельетоны, куплеты, миниатюры, интермедии. Он стал профессиональным репризером и целыми днями выдумывал шутки. А это занятие, как известно, начисто лишает человека оптимизма» [2, с. 361]. По ходу жизни Донат Исаакович не теряет своей уверенности в античной формулировке «весь мир – театр, а люди в нем актеры». Довлатов относится к своему отцу, оторванному от реального мира, с пониманием и уважением, он видит в нем **непорочную, неуклюжую душу**. Любые человеческие чудачества автор воспринимает с пиететом. Рассуждая о том какие люди могут стать персонажами Довлатова, можно вспомнить знаменитое высказывание Л. Н. Толстого: «все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Вот и у Довлатова, все порядочные люди похожи друг на друга, каждый непорядочный человек – особенный.

Девятая глава посвящена двоюродному брату Борису. Кривая его жизни представляет собой волнообразный график. По привычным нам лекалам, он достигает колоссальных высот, а затем невероятно низко падает. Однако он не воспринимает свои успехи как счастье, а кризисы как жизненный крах, это абсолютно органичный для него жизненный цикл. За неделю до окончания школы отличник по всем фронтам помочился из окна на директора школы, заведующий литературной частью в театре только-только окончивший институт с отличием совершает двенадцать ограблений, попадает в лагерь, в котором делает головокружительную карьеру, после освобождения его устраивают в «Леннаучфильм», где уже через месяц он становится заместителем директора картины, а его фотография висит на доске почета, затем снова лагерь... Когда семья навещает его, жена выражает ему свое беспокойство, а Борис даже не видит проблемы в этой ситуации: « – Тебя посадят в карцер, - сказала Лиза. – А в карцере что, не люди?!» [2, с. 385]. Некоторые люди попадают в трудные жизненные ситуации и не теряют

духа, сохраняют рассудок. Борис же сам выбирает эти ситуации, он живет ими. «Я думаю, он мог жить только в неволе. На свободе он распускался и даже заболел» [2, с. 388]. Борис оказывается тем самым **неосознанным экзистенциалистом**, стихийно живущим, страстным, голодным до приключений. Между братьями царит глубокая и прочная любовь: «Я задумался – что было у меня в жизни самого дорогого? И понял: четыре куска рафинада, японские сигареты «Хи лайт», голубая фуфайка да еще вот этот штопор...» [2, с. 388]. Сахар, спрятанный за щекой, Борис приносит своему маленькому брату в эвакуационном детстве, сигареты высылает из Читы после очередного жуткого происшествия, последние две вещи автор получает бандеролью в Нью-Йорк спустя четыре года после эмиграции.

Десятая глава знакомит нас с еще одним членом семьи Довлатовых упоминания о которой есть в самых разных книжках писателя. Это фокстерьер Глаша: «С каждым годом она все больше похожа на человека. (А ведь не о любом из друзей это скажешь.)» [2, с. 388]. Довлатов совершенно точно и безоговорочно воспринимает её как члена семьи. Он спасает её из охотничьего хозяйства, когда недобросовестный приятель не пожелал вернуть собаку хозяевам из-за привязанности, рассказывает о совершенных Глашей подвигах. В конце главы мы понимаем, что Глафира стала Довлатову ближайшим другом и компаньоном: «Мы без конца ссорились и разводились. Семья, как говорится, рушилась. И даже возникали новые побочные семьи. Только Глаша оставалась неизменно близкой и родной. И любила нас всех одинаково. <...> В остальном мы похожи. Немолодые раздражительные чужестранцы с комплексами... Сообща таскаем колбасу из холодильника...» [2, с. 397]. Сентиментальность, **преданность**, заботливость проявляется в Довлатове по отношению к четвероногому другу.

В одиннадцатой главе мы знакомимся с главной женщиной жизни Довлатова, женой Леной. Версия истории знакомства Довлатова с женой, представленная в «Наших» больше похожа на сказку. Мы говорим о версии,

потому что история знакомства отличается от книги к книге. После очередной вечеринки он просыпается и понимает, что не один. На соседнем диване кто-то спит, неловкий совместный завтрак, а затем она просто медленно перебирается в его квартиру. «Писатель необычайно точно описывает происходящее с влюбленным человеком: «– Буду», – говорит, – около шести... А у меня было назначено свидание в пять тридцать. Причем не с женщиной даже, а с Бродским. Далее – банкет по случаю чьей-то защиты. Звоню, отменяю свидание. Банкет игнорирую. Мчусь домой в такси. Надо бы, думаю, вторые ключи заказать» [2, с. 400]. Лена – образец олимпийского спокойствия, граничащего с безразличием. Мы видим, что лирический герой абсолютно не может понять подобного отношения к жизни, не понимает он и что происходит между ними: «– Лена! Выслушайте меня! Разрешите мне быть совершенно откровенным. Мы ведем супружескую жизнь... Но – без главного элемента супружеской жизни... У нас хозяйство... Вы стираете... Объясните мне, что все это значит? Я близок к помешательству...» [2, с. 403]. При всем своем хладнокровии Лена – **решительный** человек: «Я хорошо помню тот февральский день. Лена пришла с работы и говорит: – Все... мы уезжаем... Надоело... Я пытался что-то возражать. Говорил о родине, о Боге, о преимуществах высокого социального давления, о языковой и колористической гамме. Даже березы упомянул, чего себе век не прошу... Но Лена уже пошла кому-то звонить» [2, с. 407]. Помимо отношений с женой, в этой главе затронута тема эмиграции, которая так же представлена в «Заповеднике», но, если в последнем эта тема обозначена довольно сухо, то в «Наших» видно много эмоций и переживаний: «Я пытался сориентироваться. В мире было два реальных полюса. Ясное, родное, удушающее – ЗДЕСЬ и неведомое, полуфантастическое – ТАМ. Здесь – необозримые просторы мучительной жизни среди друзей и врагов. Там – всего лишь жена, крошечный островок ее невозмутимого спокойствия. Все мои надежды были – там» [2, с. 409].

Небольшая двенадцатая глава посвящена дочке Кате. Начинается она невероятно трогательно: «Когда-то ее не было совсем. Хотя представить себе этого я не могу. И вообще, можно ли представить себе то, чего не было? Затем ее принесли домой. Розовый, неожиданно легкий пакет с кружевами» [2, с. 412]. У Довлатова между строк всегда скрыто **много любви**: «Вспоминаю подвернутый задник крошечного ботинка. И то, как я брал дочку за пояс, легонько встряхивая... Затем мы шли по улице. Вспоминается ощущение подвижной маленькой ладони. Даже сквозь рукавицу чувствовалось, какая она горячая» [2, с. 413]. В этой главе органично продолжается тема эмиграции и подводится своеобразная черта. Для Довлатова настает время больших, бескомпромиссных решений. Эмигрировать или остаться? Герой размышляет: «Я не хотел уезжать. Вернее, знал, что ещё рано. Мне нужно было подготовить рукописи. Исчерпать какие-то возможности. А может быть, достигнуть критической точки. Той черты, за которой начинается безумие» [2, с. 416]. И Довлатов уезжает.

Тринадцатая и заключительная глава состоит всего лишь из двух абзацев. Мы узнаем, что в семье пополнение – гражданин Соединенных Штатов, мистер Николас Доули.

В «Наших» представлена удивительно многообразная палитра человеческих характеров, которые всегда отличаются от «нормы». Хотя, как успешно доказывает нам Довлатов, понятие «нормы» весьма относительно. В этом произведении мы видим неподдельный интерес писателя к людям, но не ко всем, к людям, обладающим своими изъятиями, трещинами, жизненными отметинами. Автор относится к ним с большой любовью, нежностью, не оскорбляет никого за минусы, не критикует за несовершенства, но при этом не воспекает эти дефекты. Именно поэтому мы легко узнаем себя в этих характерах, многогранных, живых и страстных.

Резюмируя качества, которые мы выделили в героях книги «Наши» можно составить портрет русского человека по Довлатову: спокойный, но, когда необходимо решительный, остроумный, иногда беспечный, заботливый и любящий человек, для которого духовная близость с человеком или животным всегда важнее кровных связей. В русском человеке таится бессознательный экзистенциализм, жертвенность, в нем всегда сокрыто много любви.

Завершающим произведением, о котором мы бы хотели поговорить является «Чемодан». Сборник рассказов о восьми вещах, каждая из которых отсылает к определенному воспоминанию. «Чемодан» подводит итог всем ранее изученным произведениям. Рассказы этого сборника отсылают нас к разным периодам жизни автора.

«Чемодан» открывается предисловием, в котором спустя четыре года после эмиграции забытый, нераспакованный чемодан обнаруживается в шкафу. Характерно, что Довлатов выбирает темой для книги милые, в каком-то смысле бесполезные, но дорогие сердцу вещи, в этом проявляется сентиментальность русского человека.

Первая история посвящена креповым финским носкам. После неудачной аферы у фарцовщика Фреда, Довлатова и их подельника остается семьсот двадцать пар нереализованных креповых финских носков, потому что во время проворачивания дела в Союзе открывается собственное производство. Каждому достается двести сорок пар носков, которые затем будут сопровождать Довлатова всю жизнь.

В этом рассказе представлен безымянный клиент фарцовщика Фреда, который сотрудничает с ним не ради добычи какого-то товара, а ради самого сотрудничества: «Он хочет чувствовать себя бизнесменом, которому нужна партия фирменного товара. Хочет без конца задавать мне вопрос: “Как то, о чем я просил?”» [4, с. 125]. Главный герой спрашивает у Фреда почему тот

работает фарцовщиком и не хочет ли он завязать, на что получает реплику и отвечающую на вопрос и отражающую жизненное кредо: «– А что делать? Способностей у меня нет. Уродоваться за девяносто рублей я не согласен...Ну хорошо, съем я в жизни две тысячи котлет. Изношу двадцать пять темно-серых костюмов. Перелистаю семьсот номеров журнала «Огонек». И все? И сдохну, не поцарапав земной коры?.. Уж лучше жить минуту, но по-человечески!..» [4, с. 126]. В этом рассказе Фред олицетворяет собой весьма характерную для русского характера черту – **стремление к воле и свободе**. Хотя каждый понимает эти понятия по-своему, внутри все равно стремится к ним.

Второй рассказ «Номенклатурные полуботинки». Он олицетворяет собой еще одну черту, свойственную русскому национальному характеру – **воровство**. При этом обычно оно совершается не в корыстных целях: «Зачастую все это принимает метафизический характер. Я говорю о совершенно загадочном воровстве без какой-либо разумной цели. Такое, я уверен, бывает лишь в российском государстве» [4, с. 134]. Далее приведены примеры такого бесцельного воровства: ведро цемента, затвердевшего прежде, чем похититель успел добраться до дома, избирательная урна, огнетушитель, гипсовый бюст, афишная тумба и наконец пюпитр. По сюжету рассказа главный герой участвует в создании рельефного изображения Ломоносова для новой станции метро: «Меня зачислили в бригаду камнерезов. Нас было трое. Бригадир Осип Лихачев. Его помощника и друга – Виктор Цыпин. Оба были мастерами своего дела и, разумеется, горькими пьяницами» [4, с. 137]. Весь рабочий процесс сопровождается употреблением водки. К торжественному открытию приурочен банкет, во время которого главный герой обнаруживает, что мэр Ленинграда снял под столом ботинки. На главного героя нападает неведомое чувство, и он крадет эти ботинки. Когда всех приглашают на торжественный митинг, мэр не обнаружив ботинок на положенном месте, ловко выходит из положения, сказав, что

плохо себя чувствует. Срабатывает **русская смекалка** и вечное желание не потерять лицо. При этом воровство в целом и данный конкретный случай не подается как нечто преступное или разрушающее чью-то жизнь. Оно невинное, детское и бесцельное.

Третий рассказ «Приличный двубортный костюм» – во время выполнения очередного задания в редакции, главный герой знакомится со шведом, за «сдачу» которого ему прилагается костюм.

В этой главе герою по заданию редакции в очередной раз нужен «интересный» человек. Мы знакомимся с современным аналогом лесковского Левши, Евгением Эдуардовичем, человеком невероятно увлеченным автомобильным делом, дворничихой Лидией Васильевной с оравой детей и тяжелой жизнью, не теряющей при этом чувства юмора, создательницей частного подпольного детского сада Галиной Викторовной. Все эти люди – разные, но всех объединяет **легкая чудаковатость**. В этом рассказе герой знакомится со шпионом, ничего не зная о роде занятий последнего. На следующий день после знакомства, в беседе с майором КГБ Чилиевым звучит фраза: «сведения, которые мы имеем о вас, более чем противоречивы. Конкретно – бытовая неразборчивость, пьянка, сомнительные анекдоты... Мне захотелось спросить – что же тут противоречивого?» [4, с. 160]. Противоречивый герой по вчерашней договоренности встречается со шведом-шпионом в театре, обязательно идите и «все до мелочей запоминайте» [4, с. 161]. Перспектива стать стукачом не улыбается главному герою, он пытается отказаться, сославшись на отсутствие костюма. Присутствующий при разговоре главный редактор сообщает, что по случаю приближающихся новогодних праздников принято решение вручить Довлатову щедрый подарок. Так у него и появляется приличный двубортный костюм. Шведа через неделю после происшествия выслали из Союза. Здесь мы видим еще одну черту русского характера – **сочувствие**: «Он был консервативным журналистом. Выразителем

интересов правого крыла. Шесть лет он изучал русский язык. Хотел написать книгу. И его выслали. Надеюсь, без моего участия» [4, с. 161-162]. Русское сочувствие и сопереживание скрыто между строк, редко выражается в слезах. Холодно русское сердце навряд ли будет обливаться кровью вместе с вашим, русский человек **поможет делом**.

Четвертый рассказ «Офицерский ремень» – эпизод из службы в лагерной охране. Главный герой и рядовой Чурилин доставляют зека на Иоссер. В пути выпивают, его напарник не справляется с алкоголем, ударяет по голове героя бляхой, внутренняя сторона которой залита оловом. Назначается суд, перед ним Чурилин приходит к больному, репетирует свою речь на суде и просит поменяться ремнями. Ремень с оловянной бляхой доехал до Америки.

Зек Толик рассказывает, что угнал трактор, воздействуя на психологию охранника: «Зашел на комбинат. Сел в трактор. Сзади привязал железную бочку из-под тавота. Еду на вахту. Бочка грохочет. Появляется охранник: «Куда везешь бочку?» Отвечаю: «По личной надобности». – «Документы есть?» – «Нет». – «Отвязывай к едрене фене»... Я бочку отвязал и дальше поехал. В общем, психология сработала... А потом мы этот трактор на запчасти разобрали...» [4, с. 164]. Снова мы встречаем очевидно полюбившийся автору тип человеческого характера – **изобретательный чудик**. В копилку этого характера идет и то, что зек Толик притворяется сумасшедшим, чтобы его перевели в лагерь более щадящего режима.

Перед товарищеским судом, итогом которого может стать трибунал, Чурилин приходит к герою и просит помочь. И он помогает, естественно не словом, а делом.

Пятый рассказ «Куртка Фернана Леже» – Довлатов рассказывает историю своего взросления рядом с семьей интеллигентов Черкасовых. Будучи уже взрослым в подарок из Парижа от Нины Черкасовой получает

куртку Фернана Леже, которую сначала воспринял за обычную старую куртку, а затем носил её «лет восемь», пока она окончательно не пришла в негодность.

Повествование открывается фразой: «эта глава – рассказ о принце и нищем» [4, с. 176], обманчиво настраивающей нас на знакомый человеческому сознанию принцип бинарной оппозиции. Конечно, в рассказе большое внимание Андрею Черкасову, однако он вырастает скучным, заурядным, обыденным человеком, жизнь которого развивается по заранее написанному сценарию. Проще говоря, человеком такого склада, который совершенно неинтересен писателю О Нине Черкасовой автор пишет такие строки: «Как я сейчас понимаю, Нина Черкасова обладала всеми достоинствами и недостатками богачей. Она была мужественной, решительной, целеустремленной. При этом холодной, заносчивой и аристократически наивной. Например, она считала деньги тяжким бременем. Она говорила маме: – Какая ты счастливая, Нора! Твоему Сереже ириску протянешь, он доволен. А мой оболтус любит только шоколад... Конечно, я тоже любил шоколад. Но делал вид, что предпочитаю ириски» [4, с. 179]. Однако она оказывается более многогранным персонажем, ее помыслы не читаются с первого взгляда, действия непредсказуемы. Она – представительница высшего, благовоспитанного общества, казалось бы, оппозиционного Довлатову, сохранившая человечность. Этим и уникален ее характер, этим она и интересна писателю.

Шестой рассказ «Поплиновая рубашка», мы узнаем очередную версию истории знакомства Довлатова и его жены Лены, на этот раз она агитатор на выборах, наблюдаем за семейной историей вплоть до решения жены об эмиграции. Перед отъездом она дарит мужу поплиновую рубашку.

Жена говорит: «– Это безумие – жить с мужчиной, который не уходит только потому, что ленится...» [4, с. 189]. Фраза открывает две темы: лени и семейной драмы. Лень здесь описывается не как порок, а попытка «избежать

ненужных хлопот» [4, с. 189]. За женой Леной, изображенной здесь, тянется ее старая черта: «Елена Борисовна удивляла меня своей покорностью. Вернее, даже не покорностью, а равнодушием к фактической стороне жизни. Как будто все происходящее мелькало на экране» [4, с. 194]. Они сходятся, через несколько лет появляется дочка Катя, заменившая брачное свидетельство. Яркой, пылкой и страстной любви не было и вдруг, однажды, в поисках какой-то вещи, герой натывается на фотоальбом. На последней странице видит свою фотографию: «Минуты три я просидел не двигаясь. В прихожей тикали часы. За окном шумел компрессор. Слышалось позвякивание лифта. А я все сидел. Хотя, если разобраться, что произошло? Да ничего особенного. Жена поместила в альбом фотографию мужа. Это нормально. Но я почему-то испытывал болезненное волнение. Мне было трудно сосредоточиться, чтобы уяснить его причины. Значит, все, что происходит, – серьезно. Если я впервые это чувствую, то сколько же любви потеряно за долгие годы?» [4, с. 200]. Значит за внешним спокойствием все же скрывается **большая, сильная, крепкая любовь**. Нестандартная, непохожая на другие, внешне будто лишенная чувств история любви. История любви с разводами, схождениями, побочными семьями, непониманием и неуверенностью, протянувшаяся через всю жизнь. Перед отъездом в Америку, не зная суждено им увидеться еще раз или нет, жена дарит мужу поплиновую рубашку.

Седьмой рассказ «Зимняя шапка». Брат Борис втягивает Довлатова в приключение и кутеж, в результате которого последний обзаводится новой котиковой шапкой. Со стихийным экзистенциалистом Борисом мы уже ранее познакомились в «Наших». Здесь, он подтверждает все свойства своего характера, описанные выше: «... Борина жена, в девичестве – Файнциммер, любила повторять: “Боря выпил столько моей крови, что теперь и он наполовину еврей!”» [4, с. 214]. Невозможно определить, создает ли все

приключения вокруг себя Борис или они притягиваются к нему, этому бушующему, непокорному характеру.

Финальный, восьмой рассказ «Шоферские перчатки» – Довлатова приглашают сняться в кино в роли Петра Первого. От костюма, который ему достался, спустя года уцелели только шоферские перчатки.

Интересующий нас герой – Юра Шлиппенбах. Вот его портрет: «Это был нервный худой человек с грязноватыми длинными волосами. Он говорил, что его шведские предки упоминаются в исторических документах. Кроме того, Шлиппенбах носил в хозяйственной сумке однотомник Пушкина. «Полтава» была заложена конфетной оберткой» [4, с. 217]. Потонувший в долгах, когда ему напоминали о возврате, угрожал вычеркнуть из списка кредиторов. После знакомства звонит главному герою словами: «тоска <...> и выпить нечего. Лежу тут на диване в одиночестве, с женой...» [4, с. 218]. Сюжет фильма, который он хочет снимать – в советском Ленинграде появляется основатель города Петр I, он наблюдает фарцовщиков, латентных проституток, алкоголиков, КГБшников, принимающих его за шпиона, царь в ужасе кричит: «Что я наделал?! Зачем основал этот блядский город?!» [4, с. 219]. Шлиппенбах увлечен идеей этого фильма, ему осточертела фальшивая газетная деятельность, хочется творчески реализоваться. Он приглашает Довлатова сняться в главной роли, а на следующий день после съемок, сообщает что хочет заниматься правозащитной деятельностью. Еще один представитель **чудиков**, Довлатов рассказывает о нем с восторгом, ни в коем случае не выставляя эти чудачества как нечто отрицательное.

В «Чемодане» портрет русского человека обретает новые грани, но что-то остается неизменным. Это всё ещё любящий и сочувствующий человек, обладающий смекалкой, в нем кипит стремление к воле и свободе в чем бы она не выражалась, чудак, который всегда поможет делом своему ближнему.

Выводы по 2 главе.

Выбранные произведения С. Д. Довлатова позволяют оценить творческую эволюцию автора, т. к. охватывают все периоды его творчества. Тематическое, сюжетное и характерологическое разнообразие произведений позволяют раскрыть образ русской действительности, созданный Довлатовым в его едином тексте.

«Зона» отражает в себе черту русского характера, которую мы будем наблюдать во всех последующих произведениях Довлатова: нестигаемость воли и стремление к любви.

В «Компромиссе» отражена неразрывная связь русской ментальности и алкоголя, показано тотально ироническое отношение к жизни, которое также пройдет красной нитью через все последующие довлатовские тексты.

«Заповедник» содержит в себе философские размышления о культуре, мы наблюдаем нравственное развитие автопсихологического героя, который является главным во всех рассмотренных произведениях.

«Наши» – история семьи Довлатова, которая отражает в себе историю нашей страны, содержит размышления о культуре и смысле жизни. Характеры, представленные в этом произведении, всесторонне отражают национальную ментальность.

Заключительный «Чемодан» подводит некий творческий и жизненный итог. Мы выявляем любимый тип героя Довлатова – «чудик».

Общим для всех этих произведений является наличие в них схожих героев, «чудиков», борющихся с ветром повседневности и обладающих нестигаемой волей и стремлением к любви, схожих обстоятельств, подчас абсурдных, схожих методов борьбы, ирония и юмор.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование образа русской действительности в произведениях С. Д. Довлатова позволило прийти к определенным выводам:

- Довлатов остается недооцененным и малоизученным автором, в его творчестве сочетаются традиции и инновации русской литературы, наличествуют разные виды юмора, он умело и по-своему использует метод псевдодокументализма;

- в творчестве Довлатова создана уникальная национальная картина мира, отражающая взгляд автора на русскую действительность;

- русский человек стремится к любви и миру в самых тяжелых обстоятельствах, обладает негибкой волей, пытается в любой ситуации оставаться человеком, использует иронию и самоиронию как оружие и защиту против жизненных передраг;

- русская действительность бывает очень абсурдной и единственным способом борьбы с этой абсурдностью является ирония, самим своим существом русская бытийность делает алкоголь неизменным спутником русского человека, она создает условия для рождения «чудиков» – людей, действующих не по законам природы;

Список литературы

1. Довлатов, С. Д. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 1. Рассказы и повести 1960-1970-х годов; Зона / С. Д. Довлатов. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. – 416 с.
2. Довлатов, С. Д. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 2. Компромисс; Заповедник; Наши / С. Д. Довлатов. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. – 480 с.
3. Довлатов, С. Д. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 3. Марш одиноких; Ремесло; Публикации из «Нового Американца» / С. Д. Довлатов. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. – 640 с.
4. Довлатов, С. Д. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 4. Иностранка; Чемодан; Филиал; Рассказы 1980-х годов / С. Д. Довлатов. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. – 544 с.
5. Довлатов, С. Д. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 5 Записные книжки; Филологическая проза / С. Д. Довлатов. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. – 416 с.
6. Баринаева, Е. Е. Метатекст в постмодернистском литературном нарративе (А. Битов, С. Довлатов, Е. Попов, Н Байтов): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 05.06.2008 / Баринаева Екатерина Евгеньевна; науч. рук. И. В. Силантьев; Сибирское отделение РАН. – Тверь, 2008. – 244 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/metatekst-v-postmodernistskom-literaturnom-narrative-bitov-s-dovlatov-e-popov-n-baitov> (дата 07/05)
7. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцев и С. Г. Бочаров. – М.: Искусство, 1979. – 423 с. – URL: http://teatr-lib.ru/Library/Bahtin/esthetic/#_Toc225599030 (дата обращения 10.05.2022)
8. Большев, А. О. «Человек человеку – все, что угодно»: к вопросу о специфике персонажного мира Сергея Довлатова / А. О. Большев // Филология и культура. – 2020. – № 3 (61). – С. 122-126. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44170794_51828744.pdf (дата обращения 09.12.2021)
9. Бродский, И. А. О Сереже Довлатове / И. А. Бродский // Журнал «Звезда». – 1992. – № 2. – URL:

- <http://sergeidovlatov.com/books/brodsky.html> (дата обращения 31.01.2022)
10. Вайль, П. Л. Он до своей славы не дожил несколько месяцев / Т. А. Вольтская // Литературная газета. – 2000. – №37. – С. 10. – URL: <http://magzdb.org/num/3309175> (дата обращения 07.02.2022)
 11. Вайль, П. Л. Формула любви / П. Л. Вайль // Сергей Довлатов: творчество, личность, судьба / сост. А. Ю. Арьев. – СПб.: «Звезда», 1999. – 320 с. – URL: <http://www.sergeidovlatov.com/books/vail2.html> (дата обращения 29.01.2022)
 12. Власова, Е. А. Интертекстуальное поле прозы Сергея Довлатова: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Власова Елизавета Алексеевна; науч. рук. О. В. Богданова; РГПУ им. А. И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2019. – 239 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/intertekstualnoe-pole-prozy-sergeya-dovlatova> (дата обращения 09.05.2022)
 13. Власова, Ю. Е. Жанровое своеобразие прозы С. Довлатова: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Власова Юлия Евгеньевна; науч. рук. А. С. Карпов; РУДН. – Москва, 2001. – 206 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_297456/ (дата обращения 10.05.2022)
 14. Вознесенская, О. А. Проза Сергея Довлатова: Проблемы поэтики: заключение диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Вознесенская Ольга Александровна; науч. рук. Е. Е. Зубарева; РАН. – Москва, 2000. – 164 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/proza-sergeya-dovlatova-problemy-poetiki> (дата обращения 08.05.2022)
 15. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца / Г. Д. Гачев. – Москва: Институт ДИ-ДИК, 1999. – 368 с. – URL: https://lib.rmvoz.ru/sites/default/files/fail/gachev_non_evrazia.pdf (дата обращения 06.05.2022)
 16. Генис, А. А. Довлатов и окрестности (филологический роман) / А. А. Генис – М.: Вагриус, 2001. – 288 с.
 17. Генис, А. А. Молоко, конечно, скисло, но... / Т. А. Вольтская // Литературная газета. – 1998. – №23. – С. 10. – URL: <http://magzdb.org/num/3309057> (дата обращения 30.01.2022)
 18. Глэд, Д. Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье / Д. Глэд. – М.: Кн. палата, 1991. – 320 с. – URL:

- https://imwerden.de/pdf/glad_besedy_v_izgnanii_1991_ocr.pdf (дата обращения 01.02.2022)
19. Доброзракова, Г. А. Поэтика Довлатова / Г. А. Доброзракова. – СПб.: Алетейя, 2019. – 406 с.
20. Доброзракова, Г. А. Поэтика С.Д. Довлатова в контексте традиций русской литературы XIX–XX веков: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.01.2013 / Доброзракова Галина Александровна; науч. конс. Ю. Б. Орлицкий; Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. – Москва, 2012. – 425 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/poetika-sd-dovlatova-v-kontekste-traditsii-russkoi-literatury-xixxx-vekov> (08/05)
21. Доброзракова, Г. А. Путь Сергея Довлатова к прозе / Г. А. Доброзракова // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – №4-2 (23). – С. 80-84. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16328301> (дата обращения 09.12.2021)
22. Доброзракова, Г. А. Творческая личность в изображении О. Форш и С. Довлатова / Г. А. Доброзракова // Отечественная литература как духовный стержень патриотической общенациональной идеи России (к 75-летию великой победы) / Э.А. Радаева, Н.С. Филатова. – Самара, 2020. – С. 56-72. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42993609> (дата обращения 07.02.2022)
23. Довлатов, С. Д. Папа и блудные дети / С. Д. Довлатов // Грани. – 1985. – №138. – С. 291-294. – URL: https://imwerden.de/pdf/dovlatov_papa_i_bludnye_deti.pdf (дата обращения 10.06.2022)
24. Зайцева, С. А. Особенности рецепции прозы 20-х годов XX столетия в творчестве Сергея Довлатова / С. А. Зайцева // Культура и образование. – №3 (42). – С. 77-88. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-retseptsii-prozy-20-h-godov-hh-stoletiya-v-tvorchestve-sergeya-dovlatova> (дата обращения 10.06.2022)
25. Заярная, И. С. В мире прозы Сергея Довлатова / И. С. Заярная // Русский язык и литература в учебных заведениях. – 2002. – № 4. – С. 19-22. – URL: <https://md-eksperiment.org/post/20170628-v-mire-prozy-sergeya-dovlatova> (дата обращения 09.06.2022)
26. Клименко, И. Опыт душевного здоровья // Дружба народов – 2006. – №8. – URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2006/8/opyt-dushevno-go-zdorovya.html> (дата обращения 12.02.2022)

27. Лихачев, Д. С. Заметки о русском / Д. С. Лихачев. – 2-е изд., доп. – М.: Современная Россия, 1984. – 64 с. – URL: https://imwerden.de/pdf/likhachev_zametki_o_russkom_1984_ocr.pdf (дата обращения 08.05.2022)
28. Лосев, Л. В. Русский писатель Сергей Довлатов / Л. В. Лосев // Русская мысль. – № 3843. – 1990. – URL: <http://sergeidovlatov.com/books/losev.html> (дата обращения 09.06.2022)
29. Лурье, Л. Я. Ленинград Довлатов. Исторический путеводитель / Л. Я. Лурье, С. Л. Лурье – 2-е изд., перераб. – СПб.: БХВ-Петербург, 2017. – 176 с.
30. Малащенко, В. В. Художественная деталь и семантика заглавия повести С. Довлатова «Заповедник» / В. В. Малащенко – Филологический аспект – 2018. – №12. – URL: <https://scipress.ru/philology/articles/khudozhestvennaya-detali-semantika-zaglaviya-povesti-s-dovlatova-zapovednik.html> (дата обращения 11.02.2022)
31. Малыгина, Н. М. «Тюремная повесть» Сергея Довлатова / Н. М. Малыгина // Русская словесность. – 1996. – № 5. – С. 57-63. – URL: <https://md-eksperiment.org/post/20170628-tyuremnaya-povest-sergeya-dovlatova> (дата обращения 08.06.2022)
32. Марусова, И. В. Идиллическое пространство в прозе С. Довлатова: «Компромисс» / И. В. Марусова // Русская филология: ученые записки Смоленского государственного университета. – 2020. – №20. – С. 183-199. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46696570> (дата обращения 07.06.2022)
33. Орден, И. А. Радийность прозы С.Д. Довлатова (на материале его произведений «Ремесло», «Чемодан», «Филиал») / И. А. Орден // Филологические науки: традиции и инновации. – Волгоград, 2019. – С. 102-107. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46424510> (дата обращения 07.02.2022)
34. Пасекова, Н. В. Особенности индивидуального стиля С. Довлатова / Н. В. Пасекова, А. И. Киреевкова // Восточнославянская филология. Литературоведение. – 2018. – № 6(30). – С. 100-107. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47212372> дата обращения 07.06.2022)
35. Перепелкина, Л. Ю. Чеховские традиции в творчестве С. Довлатова / Л. Ю. Перепелкина, Т. Ю. Березина // Наука и образование: проблемы и перспективы - 2017 : Сборник материалов региональной научно-практической конференции, [г. Тара, 6 апреля 2017 года.] // Тара:

- Амфора, 2017. – С. 159-162. – URL:
<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30068997> (дата обращения 07.06.2022)
36. Петренко, Н. А. Особенности прозы Сергея Довлатова / Н. А. Петренко, Кузнецова В. Л. // Реализация компетентностного подхода в системе профессионального образования педагога / Н. А. Глузман, Н. В. Давкуш, Н. Н. Колосова, В. Н. Раскалинос, Г. Р. Шпиталевская. – Симферополь, 2019. – С. 362-367 – URL:
<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39167246> (дата обращения 09.12.2021)
37. Плотникова, А. Г. Традиции русской классической литературы в творчестве С.Д. Довлатова: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 05.03.2008 / Плотникова Анастасия Геннадьевна; науч. рук. Н. М. Малыгина; Московский городской педагогический университет. – Москва, 2008. – 237 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/traditsii-russkoi-klassicheskoi-literatury-v-tvorchestve-sd-dovlatova> (дата обращения 08.05.2022)
38. Поль, Д. В. «Философия случая» в повести «Зона. Записки надзирателя» С. Д. Довлатова / Д. В. Поль, А. А. Марчук // Гуманитарное пространство. – 2021. – №3. – С. 428-442. – URL:
<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44827462> (дата обращения 09.12.2021)
39. Прядко, Ю. П. Рецепция творчества С. Довлатова в американской периодической печати 80-х годов XX века / Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» / URL:
<https://cyberleninka.ru/article/n/retseptsiya-tvorchestva-s-dovlatova-v-amerikanskoy-periodicheskoy-pechati-80-h-godov-hh-veka> (дата обращения 09.05.2022)
40. Пушкарева, Н. В. Эмоциональный подтекст в прозе С. Д. Довлатова и его лингвистическое выражение / Н. В. Пушкарева // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2009. – №11. – С. 141-144. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18785533> (дата обращения 07.06.2022)
41. Рекшан, В. О. Новая мемуаристика: контуры жанра / В. О. Рекшан, И. И. Смирнов-Охтин, В. М. Шпаков // URL: <https://litrossia.ru/item/1828-oldarchive/> (дата обращения 12.02.2022)

42. Рогов, О. Фотография на картоне / О. Рогов // О Довлатове. Статьи, рецензии, воспоминания / Е. Довлатова. - Тверь: «Другие берега», 2001. – С. 139-147
43. Рохлин, Б. Б. Кто отражается в зеркале (Заметка и два маленьких отступления) / Б. Б. Рохлин // Сергей Довлатов: творчество, личность, судьба / сост. А. Ю. Арьев. – СПб.: "Звезда", 1999. – 320 с. – URL: <http://sergeidovlatov.com/books/rohlin2.html> (дата обращения 07.02.2022)
44. Смирнов-Охтин, И. И. Уроки Довлатова / И. И. Смирнов-Охтин // Сергей Довлатов: лицо, словесность, эпоха: сборник статей / сост. А. Ю. Арьев. – СПб.: ООО «Журнал “Звезда”», 2012. – 256 с.
45. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 3-е изд., доп. и исп. – М.: Академический Проект, 2004. – 992 с.
46. Сухих, И. Н. Довлатов и Ерофеев: соседи по алфавиту / И. Н. Сухих // Сергей Довлатов: творчество, личность, судьба / сост. А. Ю. Арьев. – СПб.: «Звезда», 1999. – 320 с. – URL: <http://sergeidovlatov.com/books/suhih.html> (дата обращения 11.02.2022)
47. Сухих, И. Н. Сергей Довлатов: время, место, судьба / И. Н. Сухих – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Нестор-История, 2006. – 278 с.
48. Турсунбекова, А. Мастерство Сергея Довлатова – рассказчика / А. Турсунбекова, В. В. Авдонин // Вестник научных конференций. – 2019. – №9-2 (49). – С. 116-119. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41335117> (дата обращения 09.12.2021)
49. Харитонова, Е. А. Колумнистика С. Довлатова: смыслообразующие логосы образа родины / Е. А. Харитонова // Язык и социальная динамика. – 2013. – №13-2. – С.137-140. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22571412> (дата обращения 07.02.2022)
50. Черняева, Н. Г. Философемы экзистенциализма в сборнике С. Довлатова «Наши» (рассказ о двоюродном брате Борисе) / Н. Г. Черняева // Язык. Культура. Коммуникация. – 2017. – №1(20). – С. 293-303. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38163036> (дата обращения 07.06.2022)
51. Чжан, И. Концепт «алкоголь» в повести С. Д. Довлатова «Заповедник» / И. Чжан // Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – № 6. – С. 128-

133. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47565327> (дата обращения 07.06.2022)
52. Чувальская, П. Р. Произведения искусства в художественном мире С. Довлатова / П. Р. Чувальская // Смоленский филологический сборник. – 2019. – №11. – С. 74-80. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42991916> (дата обращения 07.06.2022)
53. Шаравин, А. В. Чеховская поэтика подтекста в прозе С. Д. Довлатова и Дж. Д. Сэлинджера / А. В. Шаравин, Я. О. Резаков // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2021. – №2 (91). – С. 129-134. – <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46428625> (дата обращения 07.02.2022)
54. Ширяева, С. Н. Поэтика цикла «Чемодан» С. Довлатова / С. Н. Ширяева // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2015. – № 5(68). – С. 193-196. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24910762> (дата обращения 08.06.2022)
55. Юсупова, Н. А. Особенность построения рассказа - анекдота в творчестве С. Довлатова / Н. А. Юсупова // Polish journal of science. – 2022. – №47-2 (47). – С. 50-51. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47579130> (дата обращения 07.06.2022)